АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

ВЯЧЕСЛАВ ШАЛЫГИН

ПРОВОКАТОР

Вячеслав Владимирович Шалыгин

Провокатор

Серия «Провокатор», книга 1

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184305
Провокатор: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-36920-1

Аннотация

От «Динамо» до «Сокола» можно добежать за пятнадцать минут, но бежать нужно очень быстро, иначе не успеешь. Комендантский час – закон для всех без исключения. И для хрупкой девушки Вики, которая вздумала на ночь глядя посетить своего возлюбленного. В отличие от нее военному патрулю инопланетных захватчиков-серпиенсов спешить некуда. Они вооружены и экипированы по последнему слову техники сверхцивилизации.

Медленно, но неотвратимо приближаются они к своей жертве… Филипп Гриневский все это видит. Видит и не может сдвинуться с места. Не потому, что трусит, а потому, что не его это дело – спасать возлюбленную, когда нужно спасти от инопланетян всю Землю. И ради этой великой цели он готов на все. Даже стать предателем человеческого рода.

Содержание

1. Москва, подземный укрепрайон Измайлово, август 2014 г 28
2. Москва, Тушинский купол, август 2014 г 61
3. Москва, август 2014 г 95
Конец ознакомительного фрагмента. 101

Вячеслав Шалыгин
Провокатор

До наступления комендантского часа оставалось всего несколько минут, и запоздалые прохожие больше не старались обогнуть лужи, покрытые неверным ледком, или, прячась от ветра, прижаться к стенам домов сталинской постройки. Люди торопливо семенили по холодной улице к станции метро, над которой вместо красной «М» теперь светилась уродливая голографическая закорючка: иероглиф чужаков, обозначающий слово «работа». Почему работа? Потому что в разном контексте он означал и работу, и жизнь. Живешь, пока работаешь. Таким был главный посыл новых хозяев Северного полушария своим слугам, и для лучшего усвоения он светился на каждом углу. Работать с шести утра до девяти вечера, пока не наступит комендантский час, и жить. А те, кого такая жизнь не устраивает, могут остаться после девяти на улице и умереть. Так что мокрые ноги и замерзшие уши были сейчас минимальными неприятностями, которые грозили опоздавшим гражданам. Попадись на пути патруль – и все, конец. Тех, кто не успел очутиться под крышей или хотя бы в метро до двадцати одного, серпиенсы расстреливали на месте без долгих разговоров. То есть не совсем расстреливали, оружие чужаков стреляло и убивало не так, как оружие землян, без пуль, но детали не имели значе-

ния. Человек погибал – это главное.

Впрочем, серпиенсов нельзя было обвинить в запредельной жестокости. Чужаки проявляли снисхождение к некоторым аборигенам, не успевшим уйти с улиц до наступления комендантского часа. Стартовые десять-пятнадцать минут они лишь наблюдали, неспешно двигаясь по улицам и над ними. При этом они не бубнили в мегафоны, не бряцали оружием и не бросали по сторонам грозные взгляды. Просто топали прогулочным шагом, попарно, изредка тройками, либо так же медленно летели на десятиметровой высоте в своих одноместных коконах, издалека напоминающих перевернутую запятую или раздутую пиявку с темно-зелеными, лоснящимися боками. И то, и другое они проделывали практически бесшумно, отчего людям становилось еще страшнее. Ведь и убивали серпиенсы тоже беззвучно. Очень редко жертва успевала испуганно вскрикнуть, и только. Вскрик, бесшумный выстрел (пусть уж будет «выстрел», другого слова все равно не подобрать), и снова тишина. Ни предсмертных хрипов, ни глухого удара тела о мостовую, ничего. Поскольку от казненного оставалось лишь облако тускло светящегося в темноте праха. Жуткая картина. Бледно-голубой контур человека примерно с секунду неверно светился, а затем гас, растворяясь в ночи. А в ветреную погоду не светился вовсе, исчезал мгновенно.

Но все это происходило только с теми, кто по глупости оказывался сразу после девяти безнадежно далеко от укры-

тия либо попадался патрулю в чересчур поздний час. Не спрятался, сам виноват, как говорится. А с девяти и примерно до девяти пятнадцати шанс оставался. Если дом или метро недалеко, если ты способен передвигать ноги в быстром темпе, если не поддался панике от близкой опасности, если тебя не затоптали другие бегущие от смерти люди. Много было «если», но шанс оставался, факт.

Одно было непонятно: зачем вообще серпиенсам понадобилось вводить комендантский час? Ведь обычные люди не представляли для них особой опасности. Даже военные были опасны постольку-поскольку, а уж безоружные-то обыватели…

Филипп Грин чуть подался вперед, чтобы разглядеть из окна перекресток Ленинградки и Балтийской. Обычно патрули появлялись из-за угла, разделялись и шли по обеим сторонам проспекта в направлении метро. Когда пешие патрульные проходили примерно половину пути, над перекрестком зависали два-три кокона. Они тоже брали курс на станцию «Сокол», но в их зоне внимания оказывались не запоздавшие пешеходы, а машины. В принципе, людям не возбранялось ночевать в припаркованных машинах, но обязательно с выключенным двигателем. Летом это условие многих аборигенов устраивало, зимой же такие ночевки частенько заканчивались трагедиями. Попавшие в ловушку люди либо замерзали, либо, рискнув среди ночи (патрулей вроде бы не видно, отчего не рискнуть?) завести машину, погибали на

месте, превращаясь в светящийся прах вместе со злополучным авто.

Коммуникатор в кармане тоненько пискнул. Это означало, что получено стандартное сообщение по системе всеобщего оповещения. Комендантский час наступил окончательно. До шести утра на улицу ни шагу. Иначе – смерть. Без вариантов.

Филипп ткнулся лбом в холодное стекло и на миг закрыл глаза. Холод мгновенно разлился по всему телу. Нет, холодное стекло или мороз за окном тут были ни при чем. Грину стало холодно и неуютно по другой причине. Сигнал коммуникатора, будто простейший, но особо злобный вирус, похерил на жестком диске жизни Филиппа большой и важный блок информации. Просто «пик» – и стер к чертовой матери!

Грин отлепился от окна и растерянно оглянулся. Комната вдруг показалась ему огромной, удручающе пустой и неуютной. А ведь в ней ничего не изменилось. Те же книжные шкафы, телевизор на стене, скрипучий мерзавец диван, пара картонных коробок со всяким хламом и открытый чемодан, из которого торчат небрежно набросанные вещи. Женские вещи, еще минуту назад Викины. А теперь ничьи.

Нет! Такого просто не может быть! Филипп снова прильнул к холодному окну. Разум подсказывал, что надеяться не на что, но сердце, разрываясь на части, заставляло по-прежнему надеяться.

На что? Бог знает. На чудо, наверное. Или на везение.

Ведь Вика вполне могла спрятаться в каком-нибудь подъезде, гараже, на магазинном складе или юркнуть к кому-то в машину. Люди нередко помогают друг другу в трудный час. Декабрь – не лучшее время для романтических ночевок в авто или в неотапливаемом помещении, но выжить можно, главное – не заснуть. Так что шансы оставались. И неплохие. Пятьдесят на пятьдесят.

Грин невольно скрестил пальцы, боясь сглазить. Ровно в девять Вика звонила откуда-то из района «Динамо». Законопослушный таксист наотрез отказался ехать дальше, припарковал машину, высадил пассажирку и побежал к метро. Другой тачки Вике поймать не удалось, и она отправилась к Филиппу пешим порядком. Логично было бы спуститься в метро следом за трусливым таксистом и проделать оставшийся путь на поезде, но тогда Вика рисковала заночевать под землей. В девять пятнадцать наверх ее никто не выпустил бы. И не из страха перед чужаками или желания уберечь молодую дурочку от смерти. Просто после девяти пятнадцати все выходы автоматически перекрывались силовыми отсечками. А автоматику хоть умоляй, хоть проклинай, не снизойдет.

Грин представил себе маршрут от «Динамо» до «Сокола». Широкий тротуар, все время по прямой. Немного скользко, но это мелочи. Если хорошенько припустить, за пятнадцать минут добежать вполне реально. Главное держать дыхание и не сбрасывать темп. Вика девушка спортивная, так что…

Филипп краем глаза засек движение в конце улицы и то-

ропливо открыл окно. В комнату ворвался холодный зимний ветер, занавески за спиной у Грина недовольно зашуршали, их дружно поддержала Викина коллекция фикусов, но Филиппу было не до возмущенного шелеста мерзнущих растений. Он высунулся из окна и уставился влево, в полумрак проспекта.

Со стороны «Аэропорта» к дому Грина приближалась маленькая одинокая фигурка. Человечек бежал со всех ног.

У Филиппа заколотилось сердце. Вика?! Точно она.

Он резко обернулся вправо. От перекрестка с Балтийской навстречу Вике медленно двигался патруль. Двое серпиенсов в боевой экипировке.

Грин судорожно вцепился в оконный переплет и высунулся едва ли не по пояс. То ли от холода, то ли от страха мелко застучали зубы, и Филипп был вынужден стиснуть их до неприятного скрежета.

До спасительной подворотни Вике оставалось не больше сотни шагов. Патрулю ровно столько же. Грин без всяких вычислений понимал, что если Вика не ускорится, финиш ее забега получится трагичным. А ускориться она уже не могла, у Вики явно не осталось сил.

Видели это и серпиенсы. Они не прибавили шаг и не подняли руки, целясь или приказывая девушке остановиться. Все в том же прогулочном темпе они приближались к нарушительнице, неотвратимо и пугающе, как движется к берегу волна цунами.

Сам того не замечая, Грин тихонько завыл и еще немного подался вперед. Разрывающее душу отчаяние едва не вытолкнуло его из окна. Филипп замер в состоянии неустойчивого равновесия, с секунду пробалансировал на грани и сдал назад. Вика нашла в себе силы и ускорилась. Грин даже задержал дыхание. Еще пара секунд – и она выиграет этот забег!

Ветер на мгновение приутих, будто бы тоже переживая за отчаянную бегунью, и в наступившей относительной тишине отчетливо хрустнул ледок у Вики под ногами.

Для Филиппа этот хруст прозвучал, как выстрел. Еще ничего не произошло, а Грин уже ясно представлял, что будет дальше. Вика поскользнулась, упала на одно колено, торопливо поднялась, сделала несколько шагов и поскользнулась снова. Ее отчаянный спурт пропал даром. Она растеряла драгоценные мгновения и теперь не успевала к финишу первой при всем желании. Осознав это, девушка и вовсе остановилась, постояла несколько секунд, глядя себе под ноги, а затем медленно продолжила путь навстречу смерти. С опущенной головой и поникшими плечами. Смирилась.

Грин невольно застонал и с силой треснул по пластиковому подоконнику. Нет! Беги! Не сдавайся!

Он кричал Вике, не раскрывая рта, мысленно, но ему почему-то казалось, что она слышит эти крики. Более того, ему казалось, что она отвечает, тоже мысленно, но Филиппу, как ни странно, не составляло труда услышать ее ответ.

«Я не могу, все кончено, прости меня, Фил… и прощай».

«Беги! Не сдавайся! Ты успеешь!»

У Грина вдруг резко заложило уши, в глазах потемнело, а в затылок будто бы воткнулся раскаленный гвоздь. От боли Филиппа буквально парализовало. А еще ему стало не до мысленных криков. Ненадолго. Ровно на секунду. Но за эту секунду он успел не только узнать «почем фунт изюма», а еще и услышать чей-то уверенный голос. Что интересно, тоже мысленный и тоже обращающийся к Вике.

«Нет, не беги. Остановись и прижмись к стене. Когда начнется, ложись и ползи к люку. Он в десяти шагах от тебя. Он будет открыт».

«Что начнется? – как бы спросила Вика. – О чем ты?»

«Увидишь».

Раскаленный гвоздь в затылке быстро остыл, а затем исчез вовсе. В глазах тут же просветлело. Оставалась вата в ушах, но сейчас это было даже к лучшему. Фил удивленно повертел головой – в комнате, кроме него, никого не было – и снова уставился вниз. Беседа сразу с парой воображаемых собеседников была, с одной стороны, делом привычным, Грин любил такие упражнения для ума, но его удивляло то, что второе «я» проснулось настолько не вовремя да еще вступило в спор с первым.

Филипп мельком взглянул на патруль и снова зафиксировал взгляд на Вике. Она вдруг подняла голову и посмотрела вверх, Грину показалось, прямо на его окно. Да наверня-

ка на его окно, куда же еще?! Филипп снова навалился на подоконник и, высунувшись наружу, замахал руками. Стой! Назад!

Зачем он машет, Филипп и сам не понимал. В другой ситуации такой семафор мог бы предупредить Вику, например, что в квартире засада и подниматься в нее никак нельзя. Но сейчас отчаянная жестикуляция Грина не имела никакого смысла. Назад? Куда назад? Стой? Девушка и так остановилась…

Остановилась? Грин замер с нелепо поднятыми вверх руками. Остановилась! Более того, прижалась к стене и бросила короткий взгляд влево. Туда, где темнел кругляш канализационного люка.

Филипп сглотнул вязкую слюну. Показалось? Вряд ли. Совпадение? Тем более – вряд ли. Получается, что виртуальные собеседники – Вика и второе «я» – были вовсе не игрой воображения? Получается, это было нечто вроде сеанса телепатии? Нет, это уж не «вряд ли», а исключено. Но что же тогда это было?

Ответить на странные вопросы было некому, да и не нужны были Филиппу ответы. Не до того. То, что происходило внизу, занимало Грина гораздо больше, чем какие-то глупые загадки, будь они из подсознания, из телепатического эфира или откуда-нибудь еще.

Ведь внизу происходило нечто невероятное.

Патруль серпиенсов вдруг встал как вкопанный и, каза-

лось, утратил к Вике всякий интерес. Чужаки одновременно обернулись к ближайшему темному просвету между домами и медленно согнули в локтях руки, будто бы услышав армейскую команду «бегом». На самом деле – насторожились, активировали закрепленные на предплечьях «стволы» и приготовились к бою. И бой не заставил себя ждать.

Вместо завершающего «марш» из темноты зазвучала громкая и беспорядочная трескотня автоматического порохового оружия.

Взгляд Грина заметался от Вики к чужакам. Сомнений не было, Вика не хуже Филиппа услышала мысленные инструкции, чем бы они ни были – телепатией или какой-то еще мистикой. Едва «началось», она упала на мокрый холодный асфальт и поползла к люку. Издалека, да еще в сумерках, Грин не видел, открыт спасительный колодец или нет, но Вика ползла уверенно, и это внушало надежду на лучшее. Филипп перевел взгляд на серпиенсов.

Чужакам свинцовый град был как слонам обстрел бананами. Двухметровые фигуры серпиенсов окутало нежно-зеленое сияние, в свете которого было хорошо видно, как трансформируется их экипировка. Мгновение назад чужаки выглядели вполне обычно: издалека практически те же люди, только одинаково высокие, стройные, белокурые, атлетически сложенные, прямо-таки клоны того артиста из фантастического фильма. Загляденье. Теперь же оба обросли множеством каких-то устрашающего вида щитков, шипов и наро-

стов и стали походить на человекоподобных динозавров, разве что без хвостов, и светящихся, как медузы. Впрочем, когда боевая трансформация завершилась, свечение исчезло, а темно-серая шипасто-пластинчатая броня резко изменила окраску. Вернее – потеряла ее вовсе. Фигуры серпиенсов стали почти прозрачными. Если бы Филипп не смотрел на них во все глаза, он давно упустил бы из вида контуры слившихся с местностью чужаков.

Взгляд снова метнулся к Вике. Она уже доползла до спасительного люка и даже наполовину спустилась в колодец. Секунда – и ее смешной рыжий ежик на макушке исчез в черном провале. У Филиппа невольно вырвался вздох облегчения.

«Чудо произошло. В бога поверить, что ли?»

Над мостовой прокатился грохот второго залпа, и Грин вновь сбился с мысли. Зачем они это сделали?! Филипп удивленно вскинул брови. Девушка спасена, к чему эта стрельба?

Грин снова высунулся из окна почти по пояс и, свесившись, попытался заглянуть за угол дома.

В темном переулке мелькнули какие-то тени. Чужаков Грину увидеть не удалось, но в том, что на этот раз они ответили адекватно, Филипп убедился сразу. В темноте вспыхнул и тут же развеялся по ветру светящийся силуэт человека, чуть позже еще одного, а затем синеватое свечение прорисовало контур легковой машины и часть стены соседнего зда-

ния. Аура машины вскоре погасла, а вот стена здания продолжала светиться, и даже сильнее, чем прежде.

Раньше Филиппу не доводилось видеть ничего подобного. Через пару секунд стена дома стала прозрачной, словно была сделана из толстого голубоватого стекла, и Грин без труда разглядел силуэты людей, притаившихся внутри здания. Их было четверо, и все держали в руках предметы до боли знакомых очертаний. Автоматы Калашникова.

Следующая секунда тянулась, как резина. Вместе со временем, казалось, притормозило и все сущее. Даже ветер прекратил рвать занавески и начал выть на тон ниже. Три силуэта за прозрачной стеной исчезли одновременно, четвертый человек погиб чуть позже, но его смерть тоже уложилась в резиновую секунду.

Грину стало не по себе. Шесть человек погибли за такой короткий отрезок времени! И ради чего? Чтобы спасти незнакомую девчонку? Невероятно! При всей любви к Вике Филипп не понимал мотивы этих отчаянных людей. Да и ни при чем тут была его любовь. На месте Вики могла оказаться любая другая. Кто угодно мог оказаться, даже сам Филипп. Но и в этом случае он не понял бы, что заставило этих людей пожертвовать собой.

Гибель четверки за «стеклянной» стеной оказалась не последним актом ночной драмы. Более того, все это было лишь прологом. Филипп вдруг наткнулся взглядом на едва различимый контур одного из серпиенсов. Чужак стоял, глядя на

прозрачную стену, и не видел, как со стороны проезжей части проспекта к нему подкрадывается еще одна фигура.

Это был несомненно человек, хотя и ростом и комплекцией он вполне мог сойти за чужака. В занесенной над головой руке нового бойца матово поблескивал длинный нож. Издалека не понять, то ли морской кортик, то ли кинжал.

Серпиенс почувствовал приближение врага и резко обернулся, но мгновенная реакция, которой славились чужаки, на этот раз не помогла. Человек двигался пусть на йоту, но быстрее. Серпиенс еще только начал разворачиваться, а человек уже подпрыгнул высоко вверх и нанес удар. Странный удар, вряд ли применявшийся хоть кем-то из людей в бою с себе подобными, но при всей своей странности – ужасающий по силе и точности. Длинный клинок с хрустом и скрежетом пробил шипасто-ребристый шлем чужака и почти по гарду вошел в темя серпиенсу. Тело чужака тут же лишилось маскировки, и от макушки до пяток покрылось сетью светящихся зеленоватых прожилок, которые несколько секунд меняли интенсивность свечения, будто бы пульсируя, а затем погасли. Гибнущий стражник конвульсивно дернулся, выгнулся дугой, потом обмяк и рухнул на тротуар.

От увиденного у Грина едва не вылезли на лоб глаза. Он впервые видел смерть чужака. Да, он слышал, что серпиенсы уязвимы. Их не брал свинец, хоть нашпигуй им гада, как буженину чесноком, их невозможно было сжечь или утопить – огонь они, сволочи, буквально жрали, а под водой жили хоть

сутки. Их было нереально раздавить или превратить в лепешку, сбросив с высоты, – боевые костюмчики и эта чертова «аура» держали любые удары или перегрузки. Радиация, СВЧ, лазеры… все им было нипочем. Даже бывалые вояки впадали в отчаяние от такой неуязвимости врага. Вон, китайцы уж на что упрямые, а сдались в конце концов. А натовцы так вообще не сопротивлялись. Но наши по привычке партизанили до упора и отыскали-таки у чужаков слабое место. И вот конкретно в него сейчас был нанесен смертельный удар.

Грин недоверчиво покачал головой. Но, черт возьми, самое слабое место наверняка одновременно самое защищенное! Какой же силой должен обладать человек, чтобы пробить наноброню, или как там называется хрень, из которой сделаны доспехи чужаков?

Грин удивленно присвистнул. И человек ли это был? Где он, куда вдруг исчез? Не растворился же в воздухе?

Напарника убитого серпиенса, видимо, волновали те же вопросы. Его полупрозрачный силуэт метнулся влево, к стене дома, затем вправо, почти к проезжей части, снова возник посреди тротуара, стремительно приблизился к провалу люка, в котором недавно исчезла Вика, задержался у колодца на миг и быстро сдал назад. Из колодца тут же вырвался столб синеватого света, рассеявшийся где-то на высоте крыши гриновского дома. Филипп в очередной раз похолодел, но поспешил себя успокоить. Вряд ли Вика задержалась в

этом злополучном месте. Неизвестный боец тоже. Так что «граната», брошенная серпиенсом в колодец, скорее всего, никому из людей не навредила.

Что же касается чужака… Вспышка не только осветила стены ближайших домов, но и четко прорисовала силуэт серпиенса. А заодно и фигуру человека, подкравшегося к чужаку сзади.

Вторая схватка получилась не такой короткой, как первая. Чужак учел печальный опыт напарника. Он успел не только вовремя развернуться лицом к опасности, но и отреагировать. Одной рукой он заблокировал удар, а другой попытался ответить, но у него ничего не вышло. Заблокированный удар, как ни странно, все же достиг цели. Все потому, что серпиенс не заметил главного – теперь человек работал другим оружием. Свой кинжал он оставил в голове у серпиенса номер один. Новый сокрушительный удар был нанесен кистенем с необычно длинными стальными шипами. Рука человека остановилась вроде бы на безопасном расстоянии от головы врага, но шипастый шар на цепи продолжил движение и проломил серпиенсу череп. Человек тут же разжал пальцы и позволил рукоятке оружия выскользнуть из руки. Зачем? Филипп вдруг понял, что знает ответ. Чтобы воткнувшийся в голову чужака шип остался на месте. Теперь Грин знал точно: ликвидировать чужого можно не просто раскроив ему череп, а непременно зафиксировав оружие у гада в этом самом черепе. На какое время зафиксировать?

Вопрос к ликвидаторам. Насколько глубоко вбивать условный гвоздь в башку? Тоже технический вопрос. Какова физиология процесса (короткое замыкание устраивает клинок в мозгах у врага, что ли?), тем более несущественно. Главное – убить врага реально! И значит, не все потеряно.

На этот раз Грин не отвлекался ни на миг, но все равно упустил неизвестного героя из поля зрения. Второй серпиенс еще не успел подохнуть, а загадочный человек в черном уже растворился в сумерках. И как ни старалась подоспевшая «кавалерия» чужаков просканировать каждый уголок, каждую подворотню, каждую машину у обочины, им так и не удалось отыскать противника.

Напрасно не меньше сотни ящероподобных бойцов рыскали по дворам, сновали по ближайшим станциям и тоннелям метро и лазали по коллекторам под проспектом. Напрасно боевые коконы летали вдоль домов, заглядывая в каждое окно и бесцеремонно разбивая те, за которыми были слишком плотные шторы или жалюзи. Напрасно мерзкие светящиеся медузы – роботы-шпионы серпиенсов – плавали по чердакам и подвалам. Все впустую. Никого даже близко похожего на убийцу серпиенсы не нашли. В результате все закончилось довольно странным демаршем.

Чужаки унесли своих погибших, убрались сами, но оставили на проспекте две устрашающего вида машины. Танки не танки, но что-то похожее. Машины прошли от конца проспекта до станции метро «Белорусская» и тоже ретирова-

лись, вроде бы ничего особенного не сотворив. В том, что это не так, люди смогли убедиться лишь утром, когда рассвело…

* * *

– …Фил! Проснись!

– А? – Грин открыл глаза и резко сел на кровати. – Что? Храпел?

– Ты стонал. – Вика погладила Грина по плечу. – Плохой сон?

– Сон? – Филипп повертел головой и с облегчением выдохнул. – Сон! Ну конечно! Вот откуда эта нереальность сюжета и потусторонние голоса. Никакой мистики, фантастики и телепатии, просто сон.

– Голоса? – Вика хмыкнула. – Ты начал слышать голоса? Вообще-то, для дебюта шизофрении рановато. Обычно вашего брата в тридцать накрывает медным тазом, а ты вчера только четвертак разменял. Хотя случается и раньше. Клинически доказано.

– Спасибо. – Грин коротко откашлялся. – Минералки нет?

– Бутылка оставалась. – Вика сдержанно зевнула. – Сушнячок, да? Принести?

– Я сам, лежи. – Филипп встал с кровати и потянулся. – Нет, надо же, как натурально… было.

– И в цвете?

– Сумерки были, но… да, вроде бы в цвете.

– Точно шиза, – убежденно заявила Вика и откинулась на подушки. – Но я тебя не брошу, не бойся. Буду фрукты тебе в дурку носить. А про что был сон?

– Ну, там… фантастика, короче. – Грин еще разок потянулся и почесал поясницу.

– Ты меня удивляешь. – Вика усмехнулась. – Ты в жизни хотя бы одну фантастическую книжку прочитал?

– Была нужда время тратить. – Грин прошлепал на кухню, отыскал в холодильнике бутылку «Нарзана», приложился прямо из горлышка, напившись, сладко причмокнул, поставил бутылку на место, захлопнул дверцу, постоял недолго, размышляя, снова открыл холодильник, взял «Нарзан» и отправился обратно в спальню.

– Разумное решение. – Вика отняла у него бутылку и тоже сделала пару больших глотков. – «Мартини» с виски не сочетается. Особенно в чрезмерных дозах. Хотя… раз в год можно. День рождения – день законных излишеств.

– Как ты… ловко отползла. – Грин уселся на край кровати. – Серпиенсы… – он помотал головой, – надо же такому присниться!

– Что ты сказал? – вдруг насторожилась Вика.

– Серпиенсы, а что?

– Это кто?

– Ну, из сна. – Грин неопределенно махнул рукой. – Ну, типа пришельцы.

– Грин, не нукай, чай, не сибиряк, – задумчиво глядя ку-

да-то в темный угол комнаты, пробормотала Вика одну из своих стандартных фразочек-воспиталочек, как их называл Филипп. – Такие люди-змеи, да?

– Скорее – ящеры. – Филипп с интересом взглянул на подругу. – А ты откуда знаешь?

– Название, тупица! Серпент плюс хомо сапиенс. Латынь. Ты забыл, что я будущий доктор, пусть и стоматолог? В латыни мал-мало разбираюсь. Змея и человек. Сам придумал?

– Приснилось, говорю же!

– Грин, не морочь мне голову. Так не бывает.

– Как не бывает? – Филипп поморщился. – Что-то ты, Герасим, не договариваешь.

– Сам ты Герасим. – Вика толкнула его в бок. – Сложное слово, понимаешь? Необычное. И раньше никогда никем не употреблялось. Оно не может присниться одновременно двоим.

– Не понял. – Грин потянулся к ночнику и щелкнул выключателем. – Что за ерунда, поясни?

– Мне тоже такое снилось. – Вика сощурилась от света. – С месяц назад. Я просто не придала значения.

– В дурку ляжем вместе, – констатировал Грин. – На одну кровать.

– Погоди. – Вика наморщила крутой лобик и сдвинула аккуратные брови. – Двенадцатое, да?

– Первое. – Филипп покачал головой.

– Слава богу! – Вика с облегчением выдохнула. – Если б

ты тоже увидел во сне двенадцатое, я бы засомневалась, а так…

– Первое декабря двенадцатого года, – продолжил Грин. – День, когда в Северном полушарии появятся серпиенсы. Откуда они вдруг выползут, никто не поймет. Будет ясно только, что не из космоса. Ни на орбите, ни на Земле не будет замечено ничего похожего на космические корабли. Чужаки неожиданно войдут во все крупные города, блокируют войсковые части, обесточат пусковые установки, заглушат радиоэфир и сожгут электрику с электроникой во всей боевой технике. Военным только и останется, что работать прямой наводкой, а кое-где вообще идти в штыковую. Они так и поступят. В результате к пятому декабря половина армий мира славно поляжет на полях сражений. А двенадцатого декабря начнется оккупация Южного полушария. Теперь уже почти бескровная. Сначала Австралии, потом Южной Америки. Но там какие-то другие твари высадятся. На первых вроде бы похожие, но не змеиного племени. У наших зрачки вертикальные будут, а у тех…

– Такие же. – Вика взглянула на Грина исподлобья. – Но они себя с кошками сравнивают… в смысле… на гербе у них будет кот, а не змея. Или мангуста, не знаю точно. Необычная.

– Белая такая?

– Да.

– Мля-я. – Грин взял у Вики бутылку и осушил ее залпом.

– Вот именно. – Подруга прижалась к плечу Филиппа. – Фил, мне страшно. Если мы не сдвигаемся по фазе, что тогда происходит?

– Пока не знаю. – Грин обнял Вику за плечи. – Доживем, увидим. Недолго осталось. Всего-то три месяца.

– Недолго осталось, – тихо повторила Вика и, помолчав, уточнила: – Нам осталось недолго. Может быть, реально что-то сделать?

– Уехать? – Грин пожал плечами.

– На Марс?

– Глупость сказал, не спорю. – Грин кивнул и уставился в окно. – Ты же фантастику любишь, ты и скажи, что можно будет сделать? Что в книжках на этот счет пишут?

– Обычно вирусами чужаков травят. – Вика пожала плечами. – Только у нас не тот случай… будет. Этих вирусами не взять, они к нашим вирусам почему-то привычны. Словно и не чужаки они вовсе, а всю жизнь рядом с нами прожили.

– Откуда ты знаешь?

– И ты это знаешь. – Вика вздохнула. – Ладно, Грин, три месяца у нас есть, подойдет срок, будем думать. Если об этом вообще стоит думать. Может, все дело в абсенте, ты у Димона завтра спроси, это ведь он эту зеленую гадость притащил. Если у него такие же видения были – точно с абсента нас развезло.

– Может быть, – не слишком охотно поддержал новую версию Грин. – Если так, Димону клизму с гвоздями пропишем.

Если нет… с первого по двенадцатое декабря две тысячи двенадцатого года то же самое пропишут нам всем.

– Пропишут. – Вика снова зевнула. – Ладно, там будет видно. Главное, что не сегодня. Спим?

– Спим. – Филипп выключил свет. – Если получится уснуть после такой встряски…

* * *

…Чужаки унесли своих погибших, убрались сами, но оставили на проспекте две устрашающего вида машины. Танки не танки, но что-то похожее. Машины прошли от конца проспекта до станции метро «Белорусская» и тоже ретировались, вроде бы ничего особенного не сотворив.

В том, что это не так, люди смогли убедиться утром, когда рассвело. Когда первые лучи солнца без труда пробились сквозь прозрачные крыши домов, стены, межэтажные перекрытия, лестничные марши и осветили жилища до самых подвалов. Люди вышли из стеклянных домов на покрытую синим стеклом улицу и увидели, что вместо привычных каменных зданий их теперь окружают какие-то странные прозрачные строения, вместо железных машин – студенистые экипажи с абсолютно прозрачными и ничуть не тонированными стеклами, а на глубине в три десятка метров к хрустальной станции «Сокол» приближается такой же нереальный поезд метро.

А еще глубже, где-то очень-очень глубоко, светилось что-то красноватое. Уж не до магмы ли «остекленела» мать сыра земля?

«Даже в прятки детям не поиграть, – тоскливо глядя по сторонам, подумал Грин. – Спасибо Сопротивлению за наше… прозрачное детство».

Филипп с некоторой опаской ступил на прозрачную мостовую, сделал пару шагов и поднял взгляд. Если смотреть только под ноги, далеко не уйдешь. Лучше всего было забыть о безднах, разверзшихся под стеклянным тротуаром, и шагать как ни в чем не бывало. Грин преувеличенно бодрым шагом двинулся к метро и вскоре действительно забыл о пугающем пейзаже преисподней под ногами. Не последнюю роль в этом сыграл радостный факт – навстречу Грину шла Вика. Живая и здоровая.

– Вика! – Грин вскинул руку. – Вика! Я здесь!

Девушка пробежала взглядом по лицам встречных и, наконец, отыскала Филиппа. Сначала она улыбнулась, тоже радостно и ласково, но в следующую секунду улыбка сползла с ее лица. Грин слишком поздно понял, в чем дело. Слева и справа от него, словно из-под хрустальной земли, выросли фигуры серпиенсов. Чужаки крепко схватили Филиппа за руки и потащили его куда-то влево. Прямиком в стеклянную твердь стены ближайшего здания.

Оказалось, чтобы проходить сквозь эту голубоватую прозрачную субстанцию серпиенсам, в отличие от людей, не тре-

бовались двери. Грин зажмурился, готовясь к тому, что его сейчас размажут по стене, но ничего такого не произошло. Он, как и его конвоиры, благополучно прошел «сквозь стену» и оказался в круглом зале с высоким куполообразным потолком.

Впрочем, в тот момент его мало интересовало, где он оказался. Гораздо важнее для Филиппа было другое, то, что негромко, но отчетливо бросила ему вслед Вика. Слово было всего одно, зато какое! Хлесткое, уничтожающее, несправедливое. «Предатель»!

«И все лишь потому, что я могу проходить сквозь эту прозрачную дрянь не хуже серпиенса? – Грин огорченно покачал головой. – Все равно что обозвать шпионом переводчика только за то, что он знает чужой язык».

Филипп вновь качнул головой, но замер, не завершив движение. Язык? В груди заныло. Да, он знал язык серпиенсов. Но переводчиком никогда не был. А еще он знал обычаи, традиции и законы чужаков. Не досконально, на уровне обывателя, но знал. А еще неплохо разбирался в их оружии, основной технике и боевых искусствах. А еще…

Грин приказал себе остановиться. С ним творилось нечто нереальное. Еще немного – и он рисковал открыть в себе то, чего не хотел бы открывать ни при каких обстоятельствах. Никогда. Даже во сне.

1. Москва, подземный укрепрайон Измайлово, август 2014 г

Герой бежал по узким улочкам Валетты, столицы жаркой Мальты, то и дело сверяясь с картинкой на экране GPS-навигатора. Воришка, умыкнувший пуленепробиваемый кейс, сел в автобус, и догнать его теперь представлялось почти нереальным. Но для героя еще более нереальным было сдаться. Он мгновенно проложил новый маршрут и бросился наперерез, по тесным дворикам, лестницам и крышам. Со стороны казалось, что человек занимается модным среди молодежи паркуром. Герой ловко перемахивал через заборы, прыгал с крыши на крышу, с крыши на тротуар, снова забирался на какое-нибудь препятствие и снова прыгал. Приземлялся не всегда мягко (однажды вовсе свалился в обнимку с куском забора), комментируя каждый такой случай неизменным «Твою мать», но всякий раз поднимался на ноги и продолжал движение в прежнем темпе. Финалом забега стал, понятное дело, самый зрелищный прыжок – с переходного моста прямиком на крышу автобуса. Все, цель достигнута. Пара тумаков воришке, и бесценный кейс, полный оружия и шпионских прибамбасов, вновь в руке у законного владельца.

Хорошо быть героем.

Филипп запнулся о бетонный обломок, засеменил, пытаясь удержать равновесие, но все-таки его не удержал и шлепнулся прямиком в лужу. Возможно, единственную во всем тоннеле.

Не везет, значит, не везет. И все кочки твои, и лужу найдешь, да самую грязную в мире.

«А все почему? – назидательным тоном пробормотал голос извне. – *Потому, что нельзя распыляться. Сдаешь норматив по боевой подготовке – сдавай. Вспоминаешь кадры из любимого фильма – сядь в кресло, налей пятьдесят граммов вискаря и вспоминай себе на здоровье. А если смешиваешь, пеняй на себя».*

«Сам знаю, – мысленно пробурчал Филипп. – Отвяжись, худая жизнь. Привяжись, хорошая».

Грин, кряхтя, поднялся, вытер ободранную ладонь о штаны, пробормотал, подражая киногерою: «Твою мать!» – и потрусил дальше. Норматив горел синим пламенем, это было понятно, но сойти с дистанции не удалось бы при всем желании. Некуда было сходить. Ведь полоса препятствий была оборудована в старом тоннеле метро, глубоко под землей. Хочешь не хочешь, а до финиша дойти придется. Выход на верхние уровни подземной базы Сопротивления – оружейный, жилой и штабной – находился только там, в финишном секторе. Вон огоньки вертикальной цепочкой. Это и есть выход, винтовая лестница. Недалеко уже.

Филипп утер (скорее размазал по лицу) рукавом грязь и

чуть ускорился. Судя по выражению лица скучающего инструктора, спурт вышел неубедительным.

«Ну и пусть! Все равно на большее сил не осталось».

Взмыленный Грин, переступив финишную черту, снова запнулся, теперь уже на ровном месте, и едва не рухнул ничком. Удержал инструктор. Фил согнулся, оперся руками о колени и попытался восстановить дыхание.

– Никуда не годится, Грин, – недовольно глядя на секундомер, проворчал инструктор. – Даже хуже, чем в прошлом месяце. Вы вообще тренировались?

– Работы… много… было.

– Это не ответ. – Инструктор подбоченился и окинул Фила скептическим взглядом. – Ишь, как угваздались. Не думал, что в тоннеле сельская пашня после ливня. Не тренировались, значит?

– Некогда было, говорю же. – Фил кое-как справился с одышкой и обреченно кивнул: – Нет, не тренировался.

– На нет и суда нет. – Инструктор иронично хмыкнул. – На два балла за боевую подготовку тоже. Согласны?

– Не согласен. – Грин помотал головой. – Я только первый этап прошел.

– Вот именно, прошел, а должен был пробежать.

– Дайте до тира добраться, тогда и поговорим.

– Ну, ну. – Инструктор кивнул. – Добирайтесь, если сил хватит. Мне и самому невыгодно, чтоб вы двойку получали. Хватит сил-то?

– Должно.

– Должно. – Инструктор удрученно вздохнул, устремил тоскливый взор куда-то в перспективу тоннеля, но в следующую секунду вдруг встрепенулся и просиял. – Знаю, что надо сделать!

– Ой ли? – Фил недоверчиво взглянул на инструктора.

– На второй этап с напарником вас пущу. Дотащит в случае чего до тира.

– Помилуйте, сударь, я плохой спортсмен, но не до такой же степени! – возмутился Грин.

– До такой, – отрезал инструктор. – Вон ваш напарник идет. На старт!

Грин взглянул на подошедшего напарника-соперника и скептически хмыкнул. Ростом соперник не вышел. Да и вообще это была девчонка, сто процентов. Балахонистый тренировочный комбинезон не мог скрыть присущих дамам изящных округлостей, а черная шапочка-маска оставляла возможность рассмотреть чуть подведенные глаза с чуть подкрашенными ресницами. Красивые глазки, между прочим, голубые и ясные, аж светились, как два топаза. Да и походка, и пластика у напарника были женскими. Так что, без сомнений, в пару с Грином поставили девицу.

Филу не было обидно, он не делил человечество на слабый и сильный пол и не считал унизительным потягаться с женщиной. Даже проиграть ей не считал зазорным. Одно его парило – ухмылка инструктора. Этот физкультурник был абсо-

лютно уверен, что Грин проиграет. Нет, в тире он, возможно, себя проявит, обойдет девицу на пару очков – дай инструктору волю комментировать состязание, он готов был подсластить пилюлю, – но что касается второго этапа полосы, тут Филипп, по убеждению инструктора, курил бамбук.

Грин попытался поймать взгляд соперницы, но не преуспел, плюнул и сосредоточился на учебно-боевой задаче. В его случае – на сверхзадаче.

– Жду вас в тире. – Инструктор поднял руку с секундомером. – Внимание! Марш!

По большому счету выиграть состязание было вполне реально. Всего-то три рубежа и два скоростных участка, вот и весь второй этап. Будь Грин посвежее, промчался бы ураганом. Будь посвежее. Но сейчас он чувствовал себя не свежее недельной осетрины, поэтому результат можно было выразить одним словом: «позор». Девица ушла в отрыв еще после первого рубежа, а уж на «аццкой леснеце» (как ее подписал белой краской из баллончика какой-то «олбанский» юморист) соперница и вовсе оставила Филиппа далеко позади. В результате, когда Грин, чертыхаясь, только-только выбрался из «бункера» – последнего препятствия на этапе – и помчался со скоростью инфарктника к финишу, соперница уже посасывала минералку, беседуя о чем-то с инструктором. Так жестко Филиппа не «делали» давно.

И все-таки он не огорчился. Даже очередная ухмылка инструктора его не задела. Так или иначе, а худшее было поза-

ди. Оставался тир, в котором Грин в последнее время чувствовал себя как рыба в воде. Да что там, увереннее!

А как прикажете чувствовать себя там, где проводишь почти все свободное время в течение вот уже полутора лет? Пока рядом была Вика, тир был увлечением номер два, но когда она уехала, он стал и вовсе единственной отдушиной. Практически такой же, какой раньше были компьютерные игры-стрелялки.

В свое время Грин был натуральным фанатиком киберспорта и добился в нем неплохих результатов. К одиннадцати он стал самой заметной фигурой среди игроманов-ровесников, в пятнадцать влился в знаменитую сетевую команду «Д55», а в двадцать, уже со своей собственной командой, выиграл мировой чемпионат… и тут вдруг как отрезало.

Грин без сожаления отформатировал винчестер своего компьютера и загрузил исключительно деловые программы. Ни одной игры, даже пасьянса. А прежние сетевые контакты Фил снес не только из памяти компьютера, но и из собственной памяти.

Поступил он жестко, но другого выхода Грин не видел. Чтобы двигаться дальше, Филиппу нужно было обрубить все якоря, удерживавшие в уютной, но отупляющей гавани детства.

Откуда вдруг свалилось понимание, что пора повзрослеть, Грин не мог объяснить ни тогда, ни позже. Да он и не пытался. Свалилось, и ладно, и хорошо. А главное, здорово, что

вовремя.

Но увлечение киберспортом все равно оставило след в его душе. Филипп даже профессию выбрал смежную, связанную с разработками новых, напичканных электроникой видов вооружений, а на досуге пытался изобретать и вовсе фантастические «ганы»: то наподобие «бластеров», то нечто вроде «гауссовок».

Каждый раз, как в том анекдоте, получался усовершенствованный автомат Калашникова, но Грин не отчаивался. Во-первых, он верил, что, в конце концов, у него получится что-нибудь стоящее, а, во-вторых, вскоре в его жизни появилась Вика, и домашнее изобретательство, заполнявшее пустоту, возникшую после отказа от киберспорта, ушло на второй план.

В общем, до тех пор пока не началось вторжение, Филипп Грин был абсолютным теоретиком и как оружейный инженер-электронщик, и как стрелок и жил нормальной для большинства молодых людей жизнью: работа, девушка, друзья, клубы, «флуд» в сети, шашлыки на даче.

Все изменилось в декабре двенадцатого. Вернее, под Новый год. Когда Грина и Вику, поддавшихся патриотической истерии наравне со многими людьми их возраста, речистые черти в камуфляже затянули в омут Сопротивления. Если точнее, даже не затянули в омут, а вовсе уволокли под землю, в самом прямом смысле.

В славных рядах Сопротивления Грину нашлось дело по

специальности, причем в расширенном формате, – его домашнее творчество пригодилось тоже, поэтому в плане работы он дискомфорта не испытывал. Даже наоборот, был рад открывшимся возможностям. А вот с наполнением другой половины жизни у него возникли явные проблемы. Как, впрочем, и у тысяч других бойцов, укрывшихся в бункерах и подземельях Сопротивления.

Нет, в сугубо личном плане Грина тоже все устраивало, ведь Вика была рядом. А вот резкий облом клубно-шашлычной составляющей досуга Филиппа угнетал. К тому же у Грина и его подруги не всегда совпадали графики работы – Вика часто дежурила по ночам, а то и сутками. То есть перед Филом вновь замаячила проблема ничем не занятого свободного времени.

Сначала он пытался заполнить пустоту работой, но ничего хорошего из этого не вышло. Когда пашешь днем и ночью, результативность работы не растет, а падает, это давно известно любому инженеру по охране труда. Грин попытался реанимировать детско-юношеское увлечение «шутерами», но играть с компьютером было неинтересно, надолго зависать в Интернете не позволяла конспирация, а достойных соперников в «локалке» Измайловской базы не нашлось. Да и не до того было большинству бойцов и мобилизованных. Наверху шли настоящие сражения, особенно по ночам, когда на промысел выходили «ночные охотники». Какие могут быть компьютерные «стрелялки», если время требует реаль-

ного боя?

Действительно, что за глупости? Грин задумался и когда ответил себе на этот вопрос, проблема досуга решилась сама собой. В ближайший свободный вечер он отправился в тир.

Так все и началось. Поначалу было трудно – джойстик и мышка далеко не то же самое, что реальный пистолет. Но постепенно Филипп начал привыкать и к тяжести оружия, и к отдаче, и к тому, что целиться приходится абсолютно не так, как в игре, а перед носом не маячат полезные подсказки.

А потом, месяца через три, до Грина вдруг дошло (вновь внезапно и отчетливо), как применить в новой реальной «игре» навыки, обретенные в киберпространстве. И вот с того момента, когда на Филиппа снизошло это новое просветление, он начал прибавлять в мастерстве не по дням, а по часам.

Прогресс шел настолько впечатляющими темпами, что поначалу ни Грину, ни его инструктору на слово не верил никто, кроме двух ребят из бывшей виртуальной пилотажной группы «Боевые дятлы». Эти парни в свое время, еще года за три до вторжения, тоже удивили пилотов-инструкторов реальной авиашколы, освоив пилотирование настоящего легкомоторного самолета всего за один вылет вместо десяти положенных. Но когда Грин начал выделывать в присутствии скептически настроенной публики трюки со стрельбой с ходу, поочередно с разных рук или одновременно из двух пистолетов, при этом не просто попадая в мишени, а выбивая

максимальное количество очков, отношение к нему в корне изменилось.

И не только к нему. Ко всей системе боевой подготовки. Нет, военные не ввели в курс обязательные тренинги на симуляторах, но факультативные занятия киберспортом получили одобрение главного штаба, а сетевые перестрелки на досуге стали всячески поощряться.

Единственной группой военных, еще долго не веривших в полезность и эффективность виртуальных тренировок, оставались «ночные охотники». В их работе меткая стрельба стояла на втором месте, важнее была хорошая физическая подготовка и навыки ножевого боя. Впрочем, в конце концов, прониклись и они. В первую очередь осознав, что в виртуальности тренируются реакция и смекалка, так необходимые не только стрелкам, но и «ночным охотникам».

Через полгода после начала интенсивных тренировок Грин даже стал устраивать нечто вроде шоу для одного зрителя, для Вики. Затаскивал ее в тир, усаживал в темный уголок, а сам заводил беседу с каким-нибудь незнакомым волкодавом из «ночных охотников». Слово за слово, пистолетами по столу, волкодав делал ставку (а иначе какой интерес?) и, ухмыляясь, предлагал выбрать оружие для перестрелки (по мишеням, ясное дело). Грин интеллигентно поправлял очки, скромно отказывался от такой чести и брал оружие, которое привычнее сопернику.

Вика в этот момент уже давилась смехом, поскольку играл

Филипп очень убедительно. Изображал этакого компьютерного мальчика, который заигрался в «Сталкера» и вообразил, что владеет реальным оружием не хуже, чем виртуальным. О том, что все это так и не так одновременно, изумленный волкодав узнавал либо очень скоро, либо с небольшим запозданием. Все зависело от того, по какому из двух сценариев развивались дальнейшие события.

Либо уже после первой серии волкодав соображал, что его «развели», и со смехом вручал Грину мятую сотню, ставку более чем условную, либо начинал злиться и требовать реванша. В этом случае шоу продолжалось, как и завещал великий Фредди, иногда до вполне внушительных сумм, поскольку ставка в каждой серии удваивалась. Правила игры от серии к серии тоже менялись.

Обычно кульминацией становилась стрельба из двух пистолетов с ходу по движущимся мишеням. Долго бегать по тиру Грин не любил, подводила слабая «дыхалка», как выражался инструктор по боевой подготовке, поэтому Фил выполнял упражнение не только с высокой точностью, но и очень быстро. И это добивало соперника не хуже литра пива после литра водки.

Волкодав обмякал, жал руку, глядя в сторону, и цедил сквозь зубы какие-нибудь ненужные слова, имея в виду короткое японское «матэ», то есть «сдаюсь».

Всего один раз волкодав ничего не сказал, а просто зарядил Грину в дыню, но, на счастье Филиппа, в тире к тому

моменту собралось достаточно зрителей, чтобы инцидент не получил развития. Проигравшего бойца пристыдили и вынесли пинками за дверь. А Грина арестовали. Оказалось, что среди зрителей затесался патруль, который счел, что заработок Фила незаконен.

Но все обошлось, разве что Грин стал чересчур известной личностью среди стрелков, и тягаться с ним больше никто не соглашался. Да Фил и сам остыл к шоу в тире. Ведь главный зритель его больше не посещал. Вика к тому времени прошла отбор в школу диверсантов и уехала в тренировочный лагерь куда-то на север или в Сибирь – Грин точно не знал, куда. Где и пропадала уже целый год, подавая о себе весточки от силы раз в месяц.

Тем не менее ходить в тир Филипп не перестал. Просто теперь старался тренироваться поздним вечером, когда не было зевак. Так что в тире Грин до сих пор чувствовал себя очень уверенно. Даже не как рыба в воде, а как сама вода. А рыбами были все остальные, и Филипп «делал» их не хуже, чем эта девица «сделала» его на полосе.

Грин на деревянных ногах пересек финишную черту и потянулся за бутылочкой воды, но инструктор откатил тележку с водой в сторону и кивком указал на дверь в тир. Филипп погрозил извергу пальцем, но озвучивать протест не стал. Хотя пить хотелось ужасно.

Выручила соперница. Она отдала свою бутылку, и Грин осушил ее залпом.

«Спасибо, добрая женщина, от лица всех дохляков и от себя лично!»

Вряд ли соперница прочитала мысли Фила, но кивнула. Пожалуйста.

«Хорошая пластика, – отметил про себя Грин и незаметно вздохнул. – Почти как у Вики, только порезче. Поспортивнее».

В любимом тире Фил мгновенно преобразился. Развернул плечи, справился с одышкой и приклеил к физиономии новую гримасу. Из замученного дохляка превратился в бывалого стрелка. Правда, все равно замученного.

– Чем сегодня балуемся? – небрежно спросил Фил, явно красуясь перед соперницей. – Автомат, гладкое, базуки?

– Пистолет Макарова, двадцать пять метров. – Инструктор указал на барьеры, а затем на мишени. – Еще вопросы?

– Время?

– Не ограничено, Грин.

– И глаза не завяжете? – Филипп ухмыльнулся. – Детский сад.

– Вы попадите сначала. – Инструктор смерил взглядом девицу. – Чего ждем? К бою!

Пока соперница подходила к барьеру, заряжала и ждала команды «огонь», недисциплинированный Грин отстрелялся и устало рухнул в пластиковое креслице. То самое, в углу, в котором во время спектаклей обычно сидела Вика. Инструктор отреагировал на выходку Фила спокойно, лишь

проводил его до кресла укоризненным взглядом. В свое время именно он был первым тренером Грина, а потому знал все замашки Филиппа, ожидал от него чего-то подобного и… был склонен простить Грину, как самому талантливому из учеников, любую выходку.

Терпеливо дождавшись, когда девушка тоже закончит стрельбу, инструктор включил экран и увеличил изображение мишени Грина.

– Десятка. – Инструктор удовлетворенно хмыкнул. – Две девятки, две восьмерки, две семерки и шесть. Вы издеваетесь, Грин?! Что за сердечки вы мне тут рисуете?

– Это не вам, даме. – Грин ухмыльнулся.

– Небось не февраль, валентинки дарить. – Инструктор покачал головой. – Ловелас нашелся! Ладно, считаем… Шестьдесят четыре… хм… сгодится. Общая оценка три балла. А могли бы на четверку вытянуть. Если бы, вон, как напарница, кучно все положили. Вы же умеете, я точно знаю. Сколько тут… Гляньте, Грин, и позавидуйте. Три десятки, четыре девятки и одна восьмерка. Ну, приятно ж посмотреть!

– Вы сибиряк? – вдруг спросила напарница Грина, стягивая маску.

– Ну. – Инструктор вопросительно взглянул на девушку. – А что?

– Ничего, – она улыбнулась. – Буквально вчера из ваших краев. Целый год там прожила. Красивые места, простор, хо-

рошие люди. Только нукают все.

– Есть такое дело. – Инструктор рассмеялся. – Зато никто не говорит «как бы». У нас все по-честному. Не как бы жена, а жена и не как бы работа, а… Ну, вы понимаете. Вам, Марта, пять баллов за этот месяц. Свободны оба. Грин, подъем. Наверх шагом марш!

Грин вскочил с кресла, но не потому, что услышал команду инструктора. Это получилось у него само собой. Вскочил и застыл столбом, ничего не видя и не слыша, поскольку опять отвлекся. Только теперь не на воспоминания о любимом кино и не на мысленную беседу с загадочным голосом извне, а на пожирание взглядом очаровательной напарницы. Ей даже пришлось взять остолбеневшего, оглохшего, а заодно и онемевшего Фила за руку и вывести из тира, как подконвойного.

– Марта? – вновь обретая дар речи, спросил Грин. – Что за козья кличка?

– Много ты понимаешь. – Девушка легонько ткнула его локтем в бок. – И не пяльсяна меня, как голодающий на булку. Мне нехорошо становится. В животе.

– А мне хорошо, только ниже. – Грин рассмеялся и схватил девушку в охапку. – Вика, я тебя убью!

– Ты хотел сказать «люблю»? – прижимаясь к нему всем телом, уточнила Вика.

– Что хотел, то и сказал! Почему ты не предупредила, что возвращаешься?!

– Сюрпр… – Вика не сумела закончить, помешал Филипп.

«Э-э, ну не здесь же, – пробормотал голос извне. – *Целоваться дело хорошее, но…»*

«Умолкни, я сказал! – мысленно воскликнул Грин. – До утра чтобы ни слова!»

«Это предвидение, – немного обиженно ответил голос. – *На три месяца вперед заглядывать не умею, только ты у нас такой талантливый, но в ближнем бою я лучший, факт».*

– Э-э, ну не здесь же, – пробормотал за спиной у Грина инструктор. – Целоваться дело хорошее, но… А вообще-то…

Он махнул рукой и потопал в глубь тоннеля, к стартовой позиции, где его ждали очередные «нормативщики».

«Убедился?»

«Иди к черту!»

Грин представил, что надевает массивные наушники, из которых льется романтическая музыка. Впрочем, можно было и не фантазировать. Вскипевшая в душе гремучая смесь из радости и возбуждения отключила разом все каналы связи с внешним миром. С внутренним тоже.

* * *

Грин почти не помнил, как добрались они до его кубрика, как разделись и рухнули в постель. Ему казалось, что неведомый редактор вырезал все эти несущественные детали из

воображаемого фильма. Остались только главные моменты: вот они целуются перед тиром, вот, уже дома, теряя одежду, дрейфуют от прихожей к кровати, вот с головой ныряют в бурную страсть и бесстрашно тонут в ее сладко-терпком, годичной выдержки вине.

Вернулся в реальность Фил, только когда первое лихорадочное погружение осталось позади, и светящаяся от счастья Вика загнала «чумазого ловеласа» в ванную. Вода смыла все лишнее, оставив только чистоту телу и щемящую радость душе. Впервые за год Филипп почувствовал себя цельным, действительно кому-то нужным и просто счастливым. Это было здорово!

А уж как хорошо стало через два часа, после второго, более осмысленного погружения в вино страсти, не вышептать. Кайфа не испортила ни новая манера Вики кусаться на пике наслаждения, ни зверский аппетит, проснувшийся сразу после того, как наступила разрядка.

– Холостяцкий быт – враг желудка, – заявила Вика, обследуя холодильник. – А кроме консервов у тебя что-нибудь имеется?

– Там, внизу, фрукты, – потирая синяки от укусов, Грин сполз с кровати, но приползти на выручку Вике не успел.

Она сориентировалась сама и достала все, что посчитала нужным: фрукты, пару продрогших бутербродов с ветчиной, бутылку «Белой лошади» и непременный «Нарзан».

– Подсел на виски? – Она с непостижимой для мужчин

ловкостью превратила журнальный столик в обеденный. – Стаканы где?

– А там же. – Фил кивком указал на холодильник. – В морозилке.

– Почему там? – удивилась Вика.

– Сразу со льдом.

– А больше нечего в морозилку положить?

– Паек консервами выдают, а на свежее мясо или рыбу не хватает. С наличкой в последнее время совсем туго стало. Змеевики всем штампы на руки поставили: паспорт и кредитка в одном флаконе. А заодно и черная метка. Вошел в супермаркет, бери что хочешь, на выходе с твоего счета спишут, и все дела. Даже притормаживать не надо. Идешь мимо кассы, как шел, электроника на расстоянии все считывает. Да там и касс теперь нет. Зачем? Одна беда – кто в розыске, сразу сгорает.

– Ты тоже в розыске? – удивилась Вика. – Я думала, ты в штабе сидишь, в боевых операциях не участвуешь.

– Так и есть, но хакеры две недели назад новые черные списки скачали. Там все подряд.

– Утечка?

– Наверняка. Особый отдел до сих пор на ушах стоит. Начальника разжаловали, нового поставили. Вроде бы новых утечек пока нет, но лично мне от этого не легче. Уже две недели в карантине отсиживаюсь. Наверх всего три раза поднимался, гулял от силы по часу и только в пределах лесопар-

ка.

– Строго. – Вика уверенно открутила желтую крышечку и разлила виски по стаканам. На взгляд Фила, налила многовато, но сейчас, пожалуй, можно было и поддать. На радостях.

– Я ведь теперь, как тот золотник: мал, да дорог. Не поверишь, даже личную охрану со мной наверх отряжали. Чувствовал себя, как последний идиот.

– Надо же. – Вика иронично взглянула на Грина. – Погоди-ка, дай угадаю! «Пилигрим», да? Это твой аппарат?

– Не совсем мой… – Фил выдержал короткую паузу. – Вернее, не только мой. Целая команда работала. Но идея моя, и основные детали я разработал. А что, уже видела?

– Видела. – Вика отсалютовала бокалом. – И даже испытывала. Работает. Пока мощности маловато, но работает. Молодец, Фил. За тебя!

– Нет, за тебя. – Грин немного взболтал напиток, чтобы подтаял лед, и сделал первый глоток.

Холодное виски отметилось во рту характерным привкусом, а дальше пошло, как магнитоплан: быстро, легко и не задевая ничего лишнего, прямиком по назначению, в желудок, а уже там согрелось само и согрело принимающего. Грин выдержал паузу, наслаждаясь ощущениями, и снова взболтал напиток. Даже довольно простое виски он предпочитал пить неспешно и, как пишут на этикетках, «ответственно».

Вика же, к удивлению Фила, замахнула полстакана по-солдатски, залпом, и даже не поморщилась. Уловив чуть рас-

терянный взгляд Грина, она усмехнулась.

– Не обращай внимания. В тренировочном лагере спирт пили. Грелись. Ты курить не бросил?

– Пытался. – Фил подтянул оставленные на полу посреди комнаты штаны и вынул из накладного кармана пачку компактного «Кента».

– Это что за булавки? – Вика покачала головой. – Нормальных нет?

Грин развел руками. Вика пожала плечами и вытянула из пачки сигарету. Грин смотрел на нее во все глаза.

Смотрел и не узнавал.

Внешне Вика изменилась не очень. Чуть повзрослела, ее стройная фигурка стала более спортивной, Филу все это нравилось. Но вот что произошло за год у нее в душе и в мозгу, Грин пока не понимал. Явно что-то произошло. Только что?

– Тяжело было?

– Терпимо. – Вика сделала три затяжки подряд и скептически взглянула на сигарету. – Я ведь знала, на что иду. Инструктора поначалу гоняли нас, как саврасок, но после полугода все устаканилось. А ближе к выпуску мы с ними вообще друзьями стали, жалко было расставаться. Только ты ничего не подумай!

– И не собирался. – У Грина внутри стало как-то нехорошо. Зачем оправдываться, если не виноват? Обычно, если совесть чиста, и мысли такой не возникает. – А сюда… в отпуск или распределилась?

– Распределилась. – Вика прижалась к плечу Грина. – Кандидатом в группу Воронцова, знаешь его?

– Видел пару раз в тире. Лось такой, что держись, но без заскоков вроде бы, простой, приветливый. В общем, знаком шапочно, но наслышан. Его группа одна из лучших. Поздравляю.

– Инструктор тоже так сказал. Еще и удивился, как это я ухитрилась к Ворону на драфт попасть. А я сразу условие поставила, после учебки – назад. Работала, как черт, все экзамены на пятерки сдала. С одной стороны, можно было не напрягаться, все равно весь выпуск в Москву отправили, но с другой, потому и попала к Воронцову. За особые заслуги. Кстати, в лагере поговаривали, большая операция готовится. Знаешь что-нибудь?

– Не больше тебя, – честным голосом соврал Грин. – У нас об этом тоже поговаривают, но пока никто ничего конкретного не знает. А после того как случилась утечка, сама понимаешь, всем приказано вообще онеметь.

– Понятно. – Вика потерлась носиком о плечо Грина. Совсем, как раньше. – Что мы все о грустном? Расскажи, как ты без меня жил? Что питался, как попало, я вижу, похудел даже. А чем занимался, кроме работы? Кого приводил? Надеюсь, не коров из комендантской роты?

– Лошадей, – Грин постучал ногтем по горлышку бутылки, – и только. У Димона теперь подпольный склад. Там специально для меня целый контейнер вискаря зарезервирован.

– Красиво жить не запретишь.

– Теперь это не такая уж красивая жизнь. – Грин сделал свой второй глоток. – Выживание. Все с ног на голову перевернулось. Виски – за копейки можно купить, а свежий хлеб дороже парного мяса. Которое ого-го сколько стоит! Народ пашет по пятнадцать часов в сутки, шесть дней в неделю, бешеные деньги получает, любой работяга «мерс» может купить без всякого кредита, всего с трех зарплат. Только не покупает, поскольку не до машин ему. Поесть бы нормально. Да и когда ему на том «мерсе» кататься? В будни он пашет, а в воскресенье или за продуктами в очередях стоит, или отсыпается. Или вот этим голову себе морочит.

Грин снова постучал по горлышку бутылки.

– Выживание. – Вика нахмурилась и стукнула кулачком по столу. – Верное слово ты подобрал. Но ничего, придет час, когда чужаки ответят за все свои злодеяния! Сопротивление поднимет народ с колен и поведет его в контрнаступление, которое обязательно закончится нашей победой и освобождением от ига захватчиков! Мы нанесем сокрушительный удар в самый центр этого змеиного клубка и…

У Грина в голове будто бы сработал предохранитель. Пламенная речь Вики вдруг превратилась в обычный шум, вроде шипения не подключенного к антенне телевизора. Так с Филом происходило часто, если рядом кто-то заводил пьяные беседы «за жизнь» или начинал нести агитационную чушь. Пока собеседник размазывал по столу пьяные сопли или же

сыпал лозунгами, Грин кивал, иногда поддакивал, но думал о своем.

Так и сейчас. Пока Вика толкала пламенную речь, Грин представил себе шум моря и мысленно вернулся к теме, которую обдумывал полчаса назад. К теме произошедших с Викой изменений. Что же в ней все-таки изменилось?

Да вот это и изменилось! До Грина, наконец, дошло. В далекой Сибири Вика не просто проходила курс молодого диверсанта, заодно она проходила курс патриотической промывки мозгов. Расскажи кто-нибудь, что Вика попала на крючок пропаганды, Филипп не поверил бы ни за что. Но себе он привык верить безоговорочно. А иначе как жить? И вот сейчас он видел и верил, что Вика говорит искренне.

«Говорит… хм. Бредит! Слушать тошно! А куда деваться?»

Грин незаметно для самого себя загрустил. Получалось, что рядом с ним сейчас сидела совсем другая Вика. Малознакомая и малопонятная. Практически чужая. То есть отношения с ней предстояло налаживать заново.

Филипп старался быть честным перед собой, старался смотреть на ситуацию объективно, однако взгляд «как бы со стороны» лишь подтвердил опасения. Сам Грин за прошедший год изменился мало, просто стал серьезнее, а вот Вика стала совсем другой. Она определенно подцепила нечто вроде извращенной звездной болезни от крутизны и промытых мозгов после годичного курса патриотической пропаганды в

учебке.

Хорошо хотя бы, что все это не мешало ей оставаться женщиной. Грину даже понравилось, как Вика ураганит в постели. Жаль только, что после секса она теперь не томно курила, как это было раньше, а говорила о политике и агитировала за патриотизм. Филиппа от этого буквально коробило.

Нет, в целом он был согласен с озвученными Викой лозунгами. Вот только не к месту они были, и в целом, и в частности. В Москве к сложной мировой ситуации было принято относиться более цинично, без патриотической горячки, и Грин с таким отношением был полностью согласен. А уж как нелепо звучали цитаты из агитационных листовок в исполнении голой барышни, восседающей верхом на обалдевшем приятеле…

Филипп допил виски и с сожалением покосился на кровать. Кажется, на сегодня все, с любовью завязали. Вика продолжала что-то вещать, и взгляд ее больше не затягивала масленая поволока. Взгляд ее сверкал праведным гневом и ненавистью к поработителям. Грин не раз видел такие взгляды. Людей в подобном состоянии было не остановить, пока сами не выдохнутся. Разумнее просто подождать.

– …Но змеевики уязвимы не только физически! Они уязвимы морально, поскольку знают, что не всемогущи. На планете кроме них окопались еще и кошатники. В конце концов, никуда не делись и люди. Да, люди сейчас слабы и вынуждены терпеливо наблюдать, как два чужеродных клана делят

власть на Земле. Но наступит день, когда наше терпение лопнет!.. Что ты молчишь, Фил? Ты не слушаешь? Считаешь, что я говорю ерунду?

– Говоришь как профессиональный агитатор. – Грин вздохнул. – Только меня-то зачем агитировать?

– Нет, погоди, я просто хочу услышать твое мнение. – Вика опьянела, и ее пламенное воодушевление теперь было не погасить никаким вином страсти.

Грину пришлось смириться и принять ее игру.

– Ты упомянула о виверрах, кошатниках. Так вот, мое мнение, что к проблеме надо подходить именно с этого бока. В одиночку люди не одолеют серпиенсов, а вот с кошатниками – запросто.

– Ты что, предлагаешь заключить союз с одними чужаками против других? – Вика округлила глазки. – Ты соображаешь, что говоришь?!

– Дослушай. – Грин налил ей еще виски. – Мягко говоря, кланы в оппозиции, и это их традиционное положение. Знаешь, какой порядковый номер у Земли в змеином списке новых колоний? Двести шестнадцать. А в списке «присоединенных локаций», как это называют кошатники? Такой же. Кланы расширяют свои владения ноздря в ноздрю, но почему-то опасаются явной конфронтации друг с другом и всеми силами стараются поддерживать равновесие интересов. Вот почему серпиенсы высадились только в одном полушарии, хотя могли бы захватить всю Землю, ведь у них

был солидный гандикап, в две недели. Да, они немного схитрили, оставив виверрам менее развитые регионы, но формально равновесие сохранено. И, заметь, поддерживается до сих пор благодаря массе работы по освоению оккупированных территорий. Возможно, кланы отложили выяснение отношений до окончательного закрепления на своих плацдармах, а, возможно, закрепившись здесь, они отправятся дальше, и снова рука об руку, несмотря на все противоречия. Понимаешь?

– Так, в общих чертах. – Вика приложилась к стакану. – Не понимаю только, к чему ты клонишь?

– Дослушай, – вновь попросил Грин. – Не знаю, как реально обстоят дела в Южном полушарии, но точно знаю, что серпиенсам этот шаткий мир выгоден, ведь у них и без кошатников масса проблем, в том числе и с людьми. Воины клана сосредоточены на борьбе с Сопротивлением: провокациях, охоте на штаб, уничтожении активистов-агитаторов, поиске баз и схронов с оружием и так далее. Если воевать еще и с виверрами, не хватит сил и ресурсов. Теперь понимаешь, к чему клоню?

– Нет.

– Уф-ф. – Грин налил еще и себе. – Может, стану формулировать четче.

– Когда каша в голове, она же и во рту, – поддела Вика. – Попробуй с самого начала, с чистого листа.

– Издеваешься? – Фил погрозил ей пальцем. – Бессовест-

ная. Хорошо, давай так: наше командование борется за свободу партизанскими методами. Мы устраиваем покушения на главарей клана, нападаем на стражу, проводим диверсии на объектах и так далее. Эффективность мероприятий такая же, как у чужаков. Они никак не могут извести нас, а мы никак не можем нанести им ощутимый урон. Коса на камень. Для Сопротивления – это успех, ведь люди хуже вооружены и обеспечены, но это успех лишь в моральном плане, собственно, только моральный аспект и поддерживает тлеющие угли борьбы. Ведь фактически клан постепенно истощает и людские, и материальные ресурсы Сопротивления, и, если ничего не изменится, конец противостояния ясен.

– Пораженческие настроения? – Вика осуждающе качнула головой. – За такие дела можно и по хребту получить.

– Никаких настроений, только факты. – Грин помялся пару секунд и решился: – Ладно, расскажу! Штаб уже целый год готовит контрудар, план прорабатывается до мелочей под грифом «строго секретно», и работает над ним ограниченный контингент наиболее способных офицеров-разведчиков, аналитиков, экономистов и ученых. Я в их числе. Нашей группе даже выделен секретный бункер. План – это многоходовая операция, а цель – змеиный клан. Мы нанесем удары по всем его куполам.

– Удары? – Вика оживилась. – По всем куполам сразу? Круто! А чем? Погоди, «Пилигримами», да?

– Чем же еще? – Грин кивнул. – План крайне рисковый,

но, по расчетам штаба, должен сработать.

– Ну вот, это дело, – одобрила Вика. – И при чем тут кошатники?

– А при том, что я не согласен с расчетами штаба. «Пилигримы» – это пока крайне сырая разработка. Ты сама сказала – мощность ни к черту. Штурмовать с таким оружием купола – все равно что идти на банковский сейф с бытовой дрелью. Но самое главное – все войско серпиенсов сейчас выполняет функции стражи. То есть не занято ничем, кроме охраны порядка на территории клана. Получается, мы с дрелью наперевес идем брать банковский сейф в тот момент, когда хранилище битком набито охранниками. Не глупо ли?

– Штаб, наверное, знает, что делает. – Вика пожала плечами. – Причем получше тебя.

– Дай-то бог. – Грин вздохнул.

– Но насчет кошатников я, кажется, поняла. Если бы змеевики воевали с этими белыми мангустами, «сейф» остался бы без охраны.

– Вот именно. Если бы нам удалось их стравить, вот тогда я поверил бы в успех, да и «дрель» довел бы до ума, пока суд да дело. Короче, рано мы дергаемся. И непродуманно. Может быть, в тактическом плане штаб все грамотно просчитал, но в стратегическом – нет. Масштабности мышления генералам не хватает и терпения.

– Стратег нашелся! Сделаем, что сможем, а история пусть судит, рано или поздно, грамотно или нет.

– Ничего мы не сможем сделать, – уверенно сказал Грин. – Не дадут.

– Грин, ты не прав!

– Все! – Фил вскинул руки. – Ты сама предложила, не будем о грустном. Только о нас, никаких дел, никакой политики. Хорошо?

– Ладно, – нехотя согласилась Вика. – Хотя так вряд ли получится. Это раньше можно было плюнуть на весь мир и жить, как нравится, или вообще уехать куда-нибудь на Гоа. Теперь куда бы человек ни уехал, от всеобщих проблем не спрячется. Они ведь общечеловеческие, а значит, касаются каждого. Ты тем более не спрячешься.

– Чем я лучше других? – пытаясь нащупать способ уйти от надоевшей темы, спросил Грин.

– Во-первых, ты не последний человек в Сопротивлении.

– Только в его научном секторе.

– Все равно не последний. А во-вторых, ты глубже многих переживаешь происходящее.

– Я?

– Не спорь! Вспомни сны двухлетней давности.

– Какие? А-а, про вторжение? – Грин кивнул. – Да, это было нечто из ряда вон. Только сны я видел до вторжения, так что это вряд ли доказывает, что я глубоко переживаю.

– Глубоко, – упрямо заявила Вика. – Так глубоко, что начал переживать заранее.

– Не знаю, не знаю. – Филипп покачал головой. – По-мое-

му, дело не в переживаниях. Тут что-то другое. Каждый раз, когда вспоминаю, поражаюсь точности тех снов. Помнишь, в середине декабря двенадцатого, когда ты опоздала на поезд?

– Помню. – Вика зябко поежилась. – До сих пор мурашки по коже.

– Мой августовский сон в тот вечер сбылся во всех подробностях. Не сбылся лишь последний эпизод, в котором меня схватили серпиенсы. Но этот эпизод мне приснился после того, как мы обсудили первый, помнишь? Так что это, наверное, был уже не вещий сон, а обычный. Домысленный перепуганным подсознанием.

– А голоса́ больше не слышишь?

– Слышу иногда, – нехотя признался Фил. – И что забавно, они дают толковые советы. В работе это здорово помогает. Даже задумываюсь иногда, стал бы я ведущим специалистом, если б не они?

– Шиза ты моя непутевая. – Вика усмехнулась и крепко прижала голову Грина к своей груди. – Голоса твои – это ты сам. Запомни раз и навсегда.

– А вещие сны? – Филиппу было не очень удобно сидеть согнувшись, но он был готов оставаться в таком положении целую вечность.

– И они тоже. – Вика отпустила Грина.

– А твои?

– Мои не в счет. – Девушка поморщилась. – Приснилось-то всего разок и так… в общих чертах.

– Ну да, в общих чертах. – Грин скептически хмыкнул. – С точными датами, терминами, подробностями… и так далее.

– Без «так далее», – отрезала Вика. – Раз в жизни и палка стреляет. Мой сон не в счет. А твой сон как раз и вскрыл твои выдающиеся способности. Да так резко вскрыл, что ты с перепуга начал «голосами» прикрываться. Мол, не я все это могу и умею, а они! Прекращай трусить, Грин, и признайся хотя бы самому себе, что ты гений.

– В таком приятно признаваться, – Грин улыбнулся, – но это неправда. В остальном, возможно, ты права.

– Не возможно, а точно. За это и выпьем. Наливай.

– Чуть позже.

– Наливай, а то снова покусаю.

– А налью, кусаться не будешь?

– Обещаю!

– Ладно. Ты обещала.

Вика не сдержала своего обещания. Оставила Филу еще несколько синяков на груди и плече, и даже, когда он оказался у нее за спиной, умудрилась тяпнуть Грина за руку. Все это Фила забавляло, хотя ему и было больновато. Но боль была мелочью в сравнении с осознанием собственной сексуальной значимости, осознанием, что способен удовлетворить такую фурию.

«Гордись, мачо!»

Грин гордился, хотя все это его по-прежнему слегка напрягало. И новый спецназовский имидж Вики, и внезапно

проснувшийся в ней цыганский темперамент, и фрейдистские покусывания в приступе страсти, и… впрочем, достаточно. Фил заставил себя отбросить посторонние мыслишки. Какие времена – такие нравы. Сейчас времена требуют оголенных нервов, бурлящих инстинктов и прочих метафор, значит, так тому и быть. Придут другие времена, мирные, Вика станет прежней. А пока… война, сэр.

«А если не станет? Что будешь делать… сэр? Обманывать себя дальше?»

«Мы же договаривались, до утра галлюцинации молчат!»

Грин поднял хмурый взгляд к потолку. Он не врал Вике, он действительно по-прежнему слышал загадочные потусторонние голоса. Вернее, один голос. И не иногда, а постоянно. И этот голос извне (а быть может, изнутри – Фил пока не определился, признавать себя сумасшедшим или нет) действительно давал толковые советы. Но сейчас никаких советов Филиппу не требовалось. Ни толковых, ни даже гениальных. Отношения с Викой были его сугубо личным делом.

«Ладно, молчу».

Впрочем, Грин и без подсказок извне отлично понимал, что обманывает себя. Но не рвать же отношения с любимой девушкой из-за того, что она увлеклась делом, которое тебе не нравится. Пусть даже это увлечение на всю оставшуюся жизнь. Не меняется вторая половинка, изменись сам, если действительно любишь!

Филипп осторожно встал, почти бесшумно вышел в кори-

дор, освещенный лишь далекой дежурной лампочкой, и нащупал в красноватом полумраке полку, где лежала запасная пачка сигарет.

Да, придется измениться. Он чиркнул колесиком зажигалки, прикурил, но сделал всего затяжку и затушил сигарету. Когда-то ради девушки он бросил курить. Два года не баловался. Потом с девушкой пришлось расстаться, и привычка вернулась, словно никуда не уходила. К чему этот пример? В ответ на собственный вопрос Грин пожал плечами. Просто пришло в голову. Может быть, и ни к чему.

«Все верно, Фил, – вновь проснулся голос извне. – *Ради Вики тоже надо будет измениться. Жаль только, что меняться придется не в лучшую сторону».*

Если ты ее по-прежнему любишь. Голос этого не сказал, но Фил отлично видел в мыслях виртуального собеседника этот довесок к фразе.

И, к сожалению, оговорка была уместна.

2. Москва, Тушинский купол, август 2014 г

Энергетический купол занимал только половину бывшего летного поля, но все равно выглядел внушительно, даже величественно. Может быть, на восприятие влияло то, что поблизости от купола не было никаких строений и не с чем было сравнивать. Виднеющиеся в отдалении дома и без того казались мельче, чем были в действительности, а уж в сравнении с близким куполом вовсе терялись. А возможно, дело было в видимой структуре энергополя. Невооруженный глаз четко различал спектр внешнего слоя, который искрился, как горный снег под солнцем, причем, в отличие от снега, даже в пасмурную погоду.

Но можно было рассматривать и третий вариант. Величественность куполу придавали не габариты или «бриллиантовая огранка», а осознание любым, кто на него смотрит, насколько могучая сила создает пузырь энергополя и насколько велики в могуществе своем обитатели этого купола.

Эффект Храма, так психологи называли комплекс ощущений, который возникал при виде купола у простых смертных. Впрочем, у непростых тоже. Даже сам Магнус Арт Первый, великий Правитель Земли-216, не раз сдержанно восхищался красотой и величием куполов серии «Диам».

Ему вторили многие, но скорее из вежливости или карьерных соображений. Ведь на самом деле любые купола были для серпиенсов таким же привычным и, в принципе, малозаметным атрибутом жизни, как, например, воздух, вода, энергия. Или, если быть предельно точным в выборе сравнений, как те же дома для людей. Некоторыми из них люди любовались, некоторыми восхищались, перед некоторыми особо грандиозными храмами они даже испытывали благоговение. Но в целом дома для них всегда были, есть и будут просто необходимой частью жизни. Максимально рациональной и утилитарной. Даже одно из названий на это указывает – жилище. Не более того.

Так и купола для членов змеиного клана, не людей, серпиенсов, но, в целом, существ, довольно схожих с людьми. Жилище. Удобное, надежное, безопасное. Чем тут восхищаться? Кому-то, возможно, и есть чем, но не «бриллиантовой огранкой» точно. Это ведь всего лишь естественный визуальный эффект, видимый признак присутствия энергополя, а не результат стараний архитекторов и дизайнеров.

Для агента Гюрзы купол не был ни храмом, ни жилищем, поэтому он относился к сверкающему «пузырю» равнодушно. Нет, он, конечно, побаивался силового поля, леший его знает, что это за дрянь, но ровно настолько, чтобы не любопытствовать и не перелезать через низенькое ограждение в пяти метрах от границы купола, как это делали вездесущие мальчишки и некоторые особо любознательные взрос-

лые. Ничего страшного с отчаянными исследователями вроде бы не происходило, по их утверждению, купол на ощупь был, как из стекла, гладким и прохладным, а всех последствий было с воробьиный чих – лишь с минуту покалывало в ладони. Но береженого, как известно, бог бережет. А ну как последствия проявятся позже? Волосы выпадут или стоять не будет. На кой черт нужен такой расклад?

К тому же любопытствовать по поводу оборонных систем хозяев агентуре не полагалось. Оно и понятно. Подозрительно это. А ну как ты казачок засланный? Нанялся агентом не для того, чтобы хорошо устроиться при новой власти и заработать, а чтобы втереться в доверие, проникнуть под купол, да и взорвать что-нибудь или важного серпиенса грохнуть. Сопротивление не раз пыталось провернуть нечто подобное. С нулевым результатом, понятное дело, но пыталось. И до сих пор пытается. Собственно потому-то и не становится меньше работы у агентов. Трудятся в поте лица, контролируют Сопротивление изнутри, наводят на ложные цели, саботируют акции по мере сил, планы путают. Много работы, короче.

Гюрза вздохнул, жалея себя, скромного труженика шпионского цеха, и уставился на небогатый красками пейзаж за тонированным окошком служебной машины.

Рыжая трава, покрытые серой золой проплешины, асфальтовая крошка и сотни воронок, доверху наполненных миллионами цилиндриков разного размера – гильзами. По-

тускневшими свидетельствами последнего в истории сражения за Москву. Самого страшного сражения за этот город. Сражения, в котором погибли сотни тысяч человек и не пострадал ни один чужак.

Случилось это в «черную среду», пятого декабря двенадцатого года, а утром шестого декабря была объявлена капитуляция и Европы, и Азии, и Штатов, и Северной Африки. Так что последнее сражение за Москву стало одновременно последней битвой за Землю. Ведь позже, когда другие чужаки захватили Южное полушарие, им никто уже не сопротивлялся.

После того как с Тушинского поля были вывезены горы праха, оставшегося от людей, и «остекленевшие» обломки боевой техники, новые власти города попытались убрать и все гильзы, вывозили машинами, но потом плюнули на это безнадежное дело и просто сгребли гильзы в воронки. Хватило, чтобы заполнить все до краев. Еще и осталось.

И теперь пятого числа каждого месяца на краю Тушинского поля кто-то оставляет цветы и зажигает свечи в канделябрах из потускневших гильз.

В общем, небогатый пейзаж – мягко сказано. Унылый – будет точнее. И не только из-за жухлой травы или обилия металла. И даже не из-за страха, который навевает мрачная история этого места. Людей больше всего тяготил тот факт, что именно здесь, на Тушинском поле, без малого два года назад была поставлена жирная точка, финальная клякса в

летописи современной цивилизации. Можно сворачивать в трубочку и… сдавать в архив. А новую летопись предстояло писать тем, кто живет под энергетическими куполами в Северном полушарии Земли и в так называемых V-локациях в полушарии Южном. Великим змеям и белым мангустам, или серпиенсам и виверрам, как они сами себя называют. Змеевикам и кошатникам, как их называют люди.

Гюрза вновь обвел видимые просторы поля хмурым взглядом. Ему не было обидно за проигравших войну соплеменников или жалко погибших людей, нет. Он ведь с первой минуты нашествия был уверен в поражении человечества и даже призывал не сопротивляться, чтобы избежать напрасных жертв, но его никто не послушал, так что поделом! Каждый раз, приезжая сюда, Гюрза поддавался гнетущей ауре Тушинского поля из-за того, что чувствовал… нет, он откуда-то знал, твердо знал, что именно здесь и закончится его жизнь. Когда, от чего – агенту было неведомо. Но случится это именно здесь, Гюрза буквально чуял это. Как дикие звери чуют землетрясение или потоп.

Впрочем, еще агент чуял, что произойдет это весьма не скоро.

Черный «Лексус» остановился на приемной площадке перед куполом, и агент отвлекся от мрачных мыслей. Сейчас машину просканируют (так для простоты Гюрза называл эту процедуру), обработают каким-то паром и прямо на площадке, как на блюдечке, доставят в шлюз. Это будет еще не внут-

реннее пространство купола, но для внешнего наблюдателя машина исчезнет под «бриллиантовым» сводом. И «внешний наблюдатель» в этот момент завистливо вздохнет.

Гюрза незаметно усмехнулся. Есть чему позавидовать, это верно. То, что скрыто под куполом, поражает даже самых невозмутимых скептиков и приводит в дикий восторг любого, кто обладает мало-мальской фантазией. А если учесть, что это счастье выпадает только избранным…

Гюрза вспомнил главный скандал минувшего декабря и вновь усмехнулся. В Тушинский купол не впустили премьер-министра. Это было круто. Подъехал внушительный кортеж на черных «Мерседесах», кругом сновали телевизионщики, суетилась протокольная служба, сурово хмурилась охрана. В общем, обставлен был визит как надо. Вот только закончилось это мероприятие ничем. Эрг купола (мэр, если по-человечески выражаться) Август Тод Третий даже объяснений не дал. Просто не впустили премьера, и точка. Хотя визит был вроде бы согласован заранее. И никто из людей ничего не смог поделать. Потоптались на приемной площадке да и уехали несолоно хлебавши. Пресса потом долго тему муссировала. А серпиенсы так ничего и не объяснили. Оно и верно, какая нужда кукловодам объясняться с марионетками?

А вот Гюрзу, в отличие от премьера, впускали днем и ночью, когда он пожелает. А все почему? Потому, что он – крайне успешный и полезный агент. Избранный. Среди лю-

дей таких кадров – по пальцам пересчитать. Серпиенсы людей не то чтобы держали за низшую расу, нет. С толковыми людьми они общались вполне нормально, но специальное имя, а с ним и неограниченный допуск в купола давали только единицам, самым толковым.

А еще самым выдающимся из самых толковых обещали инициацию. Это что-то вроде принятия в клан кандидатом в серпиенсы. Посвященным первого уровня. Из двадцати семи. На кой черт – Гюрза так до сих пор и не понял, ему и человеком неплохо жилось, но в целом против перспективы не возражал. Если ему вручат хотя бы двадцать седьмую часть могущества серпиенсов, он точно знал, что с ней делать. Конечно же, богатеть с ее помощью! Ведь такая силища, грех будет не воспользоваться.

Приемная площадка двинулась по направлению к шлюзу, но на полпути вдруг замерла и плавно отъехала назад. Это было странно, но не тревожно, иногда такое случалось. А вот когда площадка миновала исходное положение и отъехала примерно втрое дальше, Гюрза начал беспокоиться. Насколько он разбирался в процедурах доступа под купол, такой маневр был первым признаком чрезвычайной ситуации. Скорее всего, в шлюзовом отсеке сейчас звучал сигнал тревоги, а серпиенсы деловито занимали места согласно боевому расписанию.

Гюрза растерянно оглянулся. На километр вокруг не было ни одной подозрительной машины или какого-нибудь любо-

пытного прохожего. Всех машин и людей перед куполом было раз-два и обчелся. «Лексус», а в нем два человека. Агент и водитель. Что один, что другой – вполне проверенные кадры. Почему вдруг сработала сигнализация, было решительно непонятно.

Гюрза вдруг почувствовал неприятный зуд буквально во всем теле. Агенту казалось, что через него пропускают слабый ток. Невыносимо хотелось почесаться, но было не ясно, с чего начать.

– Что за… чертовщина? – процедил Гюрза.

– Даже зубы чешутся, – не оборачиваясь, сказал водитель. – Все. Колпак.

– В смысле? – Гюрза снова взглянул в окошко.

О каком колпаке толкует водитель, ему стало ясно и без дополнительных пояснений. Площадку накрыл миниатюрный купол. Он был не «бриллиантовым», как тушинский, а мутным, будто бы из матового стекла, и «муть» словно плыла по его стенкам.

«Похоже на «Мартини» с водкой, – подумалось агенту. – Встряхнутый, но не взболтанный. Что же случилось, почему нас изолировали?»

– Люди, – вдруг прозвучало откуда-то сверху.

Гюрза поежился. Этот «голос свыше» был дурным знаком. В нем имелись странные интонации, но Гюрзу встревожило не это. Ему не понравилось обращение. Оно явно не сулило агентам ничего хорошего. Так серпиенсы обращались к

обычным людям, не к агентуре.

Гюрза невольно втянул голову в плечи и поднял взгляд к потолку. На потолке не было динамиков, только пара дефлекторов климатической системы и сложенный экран видеоплеера, но голос звучал сверху, так что невольное желание посмотреть вверх было вполне оправданным.

Водитель тоже запрокинул голову, но не обернулся. Для него голос звучал из другой точки над головой. Откуда-то из района люка.

– Сидите неподвижно, – после многозначительной паузы приказал «голос».

Гюрза хотел кивнуть, но вовремя себя одернул. Неподвижно, значит, неподвижно. Серпиенсы требовали, чтобы их понимали с первого слова и понимали буквально. А вот насчет вопросов «голос» ничего не сказал. Значит, спрашивать не возбранялось.

– Что-то не так? – негромко спросил агент.

– Машина заминирована, – коротко ответил «голос».

– Кем?! – Гюрза удивленно вскинул брови.

Прежде чем ответить, вступивший в диалог с людьми серпиенс почему-то решил расширить свое виртуальное присутствие. Если честно, лучше бы он этого не делал. От обилия нештатных ситуаций за столь короткий промежуток времени Гюрзу начало слегка потряхивать.

Крыша «Лексуса» на миг стала прозрачной, а затем исчезла вовсе. Что это за фокус – очередная виртуальная фишка

или же серпиенсы испортили машину на самом деле, – люди поняли не сразу. Не будь над площадкой мутного колпака, было бы проще определить, реально исчезла крыша или нет, например, по движению воздуха, но под мини-куполом стоял полнейший штиль, так что… Впрочем, стало немого теплее и появились летние запахи: прелой травы, земли и цветочной пыльцы. В кондиционированном воздухе закрытой машины ничего такого не витало.

Водитель едва заметно качнул головой. Превращение джипа в кабриолет он явно не одобрял. Гюрза был полностью с ним согласен. Полюбоваться двухметровой голографической фигурой серпиенса, возникшей прямо по курсу, люди могли бы и через лобовое стекло. Но у существа, похожего на человека, только с глазами змеи и сердцем дракона, как говорили о себе сами серпиенсы, имелись собственные понятия о том, что следует делать, а что нет.

И машину серпиенсам было не жалко, ведь для чужаков это не шедевр автостроения, а так, допотопная колымага аборигенов. Гюрза с сожалением покосился на срезанную, будто бритвой, переднюю стойку и уполовиненное ветровое стекло. Хорошо хоть головы людям заодно не срезали.

Изображение серпиенса медленно сместилось вправо и протянуло руку Гюрзе.

– Выходи.

– Я? – уточнил агент.

– Ты. Один.

Агент быстро выбрался из машины и встал перед серпиенсом, чуть склонив голову. Смотреть на двухметровую голограмму исподлобья было неудобно, но правила есть правила. Стоять перед начальством с гордо поднятой головой не полагалось. Серпиенсы любили, чтобы к ним обращались с почтением. Даже когда беседовали с людьми на расстоянии.

А Гюрзе было и нетрудно. Неудобно, но нетрудно. Ведь, если честно, смотреть в жутковатые немигающие глаза с вертикальными зрачками – удовольствие ниже среднего. Лучше уж пялиться на грудь хозяина. Кстати сказать, на довольно интересную грудь. Гюрза вдруг осознал, что стоящий напротив серпиенс не хозяин, а хозяйка. Облегающий серебристый костюм подчеркивал совершенные формы женщины, не оставляя сомнений – агентов встречала очаровательная поработительница.

Агент невольно хмыкнул. Очаровательная? Ну, для змеи, возможно, и очаровательная. Гюрза заставил себя поднять взгляд выше и тут же забыл о всякой иронии. Прорезанные вертикальными щелочками зрачков изумрудные глаза женщины немного пугали, но в целом она была красива, как богиня. Чужая богиня, порожденная враждебным миром, и все-таки прекрасная. На какое-то время агент замер и даже затаил дыхание, будто бы опасаясь неловким движением или слишком резким выдохом развеять очарование момента.

На женщину-серпиенса поведение шпиона никакого впечатления не произвело. Она вряд ли даже заметила, с каким

восхищением смотрит на нее человек. Все ее внимание было сосредоточено на машине и оставшемся в ней шофере.

– Ты не боишься, – констатировала она, обращаясь к водителю. – Почему?

– Чего бояться-то? – Шофер смерил взглядом серпиенса, а затем Гюрзу.

Во взгляде водителя не было никакого почтения. Наоборот, он смотрел враждебно и даже презрительно. Гюрза удивленно поднял брови. Что за бравада?

– Ты знал, что в машине бомба?

– Не бомба, а мина, – дерзко поправил хозяйку шофер. – Фугас. Рвануло бы так, что мама не горюй. Жалко, не доехал.

– Ты диверсант?

– Я человек. – Водитель неприятно осклабился. – В отличие от тебя, гадюка подколодная.

– Ты не диверсант, – бесстрастно констатировала женщина-серпиенс. – Почему же ты рад, что тебя подставили?

– Не получилось жить по-человечески, так хотя бы умереть. – Шофер сверкнул взглядом и плюнул в сторону Гюрзы. – Чего и тебе, гад, желаю, да поскорей. Хорош базарить, дочь крокодила, распыляй на молекулы, чего ждешь?!

Женщина едва уловимым жестом приказала Гюрзе развернуться к машине. Агент подчинился и вопросительно взглянул на хозяйку.

– Убей его, – приказала женщина.

Гюрза ожидал такого приказа и потому не промедлил ни

секунды. Он вынул из наплечной кобуры пистолет и разрядил весь магазин в шофера. Ни сожаления, ни каких-либо других эмоций он при этом не испытал. Рабочий момент, не более того. Разве что в глубине души сквозила досада: сам-то почему не разглядел предателя? А еще ведущий агент, почетный позывной заслужил, и вдруг такой прокол! Стыдно.

Сменив магазин, он поставил оружие на предохранитель, спрятал в кобуру и вновь вопросительно уставился на женщину.

– Хорошо, – ровным голосом, как и прежде, без всяких эмоций, сказала хозяйка. – Жди здесь, тебя отвезут.

– Я приехал с рапортом… – осмелился напомнить Гюрза. – С рапортом для хозяина, лидера стражи Верля Омни Седьмого.

– Он больше не твой хозяин, Гюрза, – сказала женщина. – С этого момента ты, как и все именные агенты, служишь только мне. Я новый приор стражи Арианна Дей Первая.

– Рад служить, госпожа. – Гюрза склонился теперь уже значительно ниже, чем вначале.

Должность новой хозяйки впечатляла. По человеческим меркам Арианна занимала весьма высокий пост, вроде начальника службы безопасности региона, а по званию была на полпути от аналога полковника к аналогу генерала. Если по старинной табели – бригадиром. Но особенно впечатляло, что она женщина. Среди воинов змеиного клана вообще редко встречались женщины, а уж на такой высокой должно-

сти… Гюрза попытался вспомнить, но безуспешно. Арианна была первой на его памяти.

Странно было, что целый приор стражи лично встречает агентуру, но тут, скорее всего, свою роль сыграло стечение обстоятельств. Например, в процессе изучения новой зоны ответственности госпожа Арианна виртуально забрела в Тушинский купол, решила для острастки проверить посты и заметила приближающийся автомобиль с агентами. Тьфу бы на него, мало ли в день приезжает чиновников с челобитными и агентов с рапортами, ведь не всякую информацию доверишь виртуальному пространству, но тут сработала сигнализация. Арианна заинтересовалась ситуацией и решила прокачать ее лично. В качестве тренировки, чтобы не терять оперативную форму.

Вполне реальный сценарий. Но даже если было по-другому, какая разница агенту Гюрзе? Ему выпал шанс прогнуться перед новым начальством, вот и все, о чем ему следовало сейчас думать.

– Твой отчет важен?

Гюрза немного растерялся. Вопрос был странным. Не сказать, что бессмысленным или хотя бы нелогичным, нет, по большому счету вопрос был как вопрос, но ответить на него с ходу Гюрза почему-то затруднялся. Секунду поразмыслив, агент понял, в чем подвох. Чисто женским был вопрос, вот в чем проблема. Впрочем, когда-то давно, в прежней жизни, агент был женат, и ему приходилось отвечать на подобные

вопросы практически ежедневно.

– Мой отчет касается Ночного Потрошителя, госпожа приор стражи. Того самого, который с декабря двенадцатого года и по текущий момент убил двадцать достойных воинов клана, патрулировавших улицы города, а также покушался на жизнь эрга Северно-западного купола Цинтия Тод Второго.

– Вы установили личность убийцы? – В бесстрастном голосе женщины послышался намек на эмоции.

– Нет, но я знаю, где его искать.

– Искать днем? – уточнила Арианна.

Ей стало интересно, без сомнений. Голос потеплел, голова немного склонилась набок, глаза чуть сузились, но зрачки, наоборот, расширились и стали почти нормальными, в смысле – круглыми.

– Да, госпожа. Сегодня Ночной Потрошитель должен прийти в условленное место, чтобы забрать важный пакет. Место ему указал я. Поимка Потрошителя станет хорошим началом вашей службы в нашем регионе…

Зрачки у Арианны схлопнулись, как створки жемчужной раковины. Гюрза осекся и виновато потупил взор. Он сболтнул лишнего, но сделал это намеренно. С одной стороны, чтобы показать новой хозяйке, что недаром носит подаренное кланом имя, но с другой – чтобы она, не дай бог, не подумала, что слуга умнее нее.

Неизвестно, какие выводы сделала Арианна, но мимолет-

ный ветерок гнева не превратился в бурю. Ее зрачки снова чуть расширились, и она продолжила расспросы все тем же ровным, спокойным голосом:

– Потрошитель будет не один?

– С группой, но это не проблема. Обычно в таких группах один-два сильных бойца, а остальные загонщики. Проще говоря, пушечное мясо.

– Отвлекающие внимание, – по-своему сформулировала Арианна.

– Да, госпожа. Убить их легко даже вашему покорному слуге. Воинам клана сделать это будет еще проще.

– Когда и где появится Потрошитель?

– Здесь, – в глазах у Гюрзы промелькнула искра азарта. – Под мостом через Сходню.

– Малая река, впадающая в большую к востоку отсюда? Так близко к куполу? Почему?

– Устраивать тайники вблизи куполов – вполне в духе Сопротивления. Люди считают, что серпиенсы дальнозорки и не видят, что творится у них под носом.

– Не понимаю. – Арианна чуть качнула головой. – Они думают, что мы слишком самоуверенны и не допускаем даже мысли о подобной дерзости – тайниках вблизи купола?

– Да, госпожа. – Гюрза мысленно поаплодировал. Эта дамочка хорошо соображала и, что важнее всего, не корчила из себя высшее существо. В работе этот нюанс мог оказаться крайне полезным. – Чуть выше по течению Сходни по мо-

сту проходит шоссе. Потрошитель придет к мосту… – Гюрза вскинул руку и с удовольствием взглянул на украшающую запястье новенькую «Омегу», – через сорок минут.

– Примерно три мены, – вслух перевела Арианна «сорок минут» в свою систему счисления времени. – Хорошо, Гюрза. За поимку Потрошителя назначена большая награда, ты получишь ее.

Гюрза в очередной раз почтительно склонился.

Когда агент поднял голову, выяснилось, что объемное изображение хозяйки исчезло, а одновременно исчезла и залитая кровью машина. Под мутным куполом безопасности остался лишь Гюрза. Хотя формально не только он, еще остался разлитый по земле искрящийся туман, который, впрочем, быстро исчез, оставив агента в полном одиночестве.

* * *

Сквозь мутную стенку малого купола можно было рассмотреть лишь общие очертания. Поначалу, когда пузырь только-только накрыл подъехавшую машину, видимость была относительно приличной, но очень скоро купол помутнел, и наблюдателям пришлось довольствоваться своеобразным театром теней. Вот размытый контур авто будто бы уменьшился по вертикали, и от «оплывшей», как свечка, машины отделилось темное пятно, скорее всего, выбрался один из

пассажиров. Некоторое время ничего не происходило, а затем малое пятно шевельнулось и вытянулось в верхней части по горизонтали – словно человек поднял руку. Вот силуэт машины исчез вовсе, и за мутной стенкой пузыря осталось только одно пятно – размытый контур человека.

– Раскусили, гады, – шепнул майор Воронцов. – Как всегда.

Минут пять под малым куполом ничего не происходило, а затем вновь что-то изменилось. Какая-то тень будто бы выросла из-под земли и, достигнув определенных размеров – с машину, остановилась в росте, а затем поглотила малое пятно. Стенки мутного пузыря быстро просветлели, как бы истончились, а вскоре исчезли вовсе. На площадке у шлюза осталась новая машина, почти не отличимая от той, что несколько минут назад превратилась вместе с водителем в прах. Воронцов этого не видел, но опыт подсказывал майору, что так все и было. Змеевики засекли спрятанную в авто взрывчатку и, решив, что шофер – это диверсант-смертник, бесшумно и бездымно разложили на молекулы и машину, и фугас, и водителя. От греха подальше. А то, что шофер ни при чем – издержки. Да и кому это интересно? Серпиенсам плевать, Сопротивлению – одним пособником меньше, родным и близким – они знали, на что идет их родственничек. Короче, не проблема.

А вот то, что ехавший пассажиром провокатор наверняка уцелел, – проблема. Реальная проблема. Во-первых, этот

скользкий гад снова уползал из поставленной Воронцовым ловушки, что доказывало полную несостоятельность Ворона как оперативника. Во-вторых, уползая, он вновь сохранял инкогнито. И, в-третьих, сохранял жизнь, а с ней и возможность по-прежнему мешать Ворону во всех его начинаниях.

Не надо было ждать, когда машина подъедет к куполу. Взорвали бы сразу, где-нибудь на Волоколамке, проблема была бы решена. Но Воронцову захотелось спецэффектов. Чтобы жахнуло непременно под куполом. Или хотя бы вблизи. Вот и жахнуло. Как бы. И неуловимый провокатор опять уцелел. Как и дважды до этого случая.

Первый раз Ворон не сумел прицелиться, поскольку деловито беседовавший с серпиенсами предатель, будто бы чувствуя, что попал в перекрестье прицела, постоянно прятался за массивными фигурами хозяев. А во второй раз он, то ли снова чувствуя опасность, то ли уже зная, что за ним охотятся, вдруг сменил логово, машину и манеру одеваться. Ворон едва вовсе не упустил его из вида. Спасибо Учителю, который нашел зацепку и снова вывел группу на провокатора.

Неделю назад это случилось. Ворон сначала воодушевился, но дней через пять снова сник. Скользкий, будто угорь, предатель никак не давался в руки, легко обходя все капканы. Он словно читал мысли Ворона, и это угнетало майора больше всего. А еще Воронцова мучило чувство, что он знаком с предателем. Майор определенно узнавал повадки, фигуру, походку и черты нижней части лица провокатора, но

сложить два и два, вычислить по этим приметам подозреваемого у него никак не получалось.

Майор поморщился.

«Не работал никогда мозгой, нечего было и начинать. Пока в ночное ходил, кистенем да ледорубом черепа змеевикам крошил, все было нормально. Почет и уважуха, удовлетворение от работы, месть за товарищей. Нет же, дернул черт поискать новых ощущений, в командиры-оперативники податься. Да еще за провокатора этого запнуться не вовремя. Опытный опер давно раскусил бы гада и на чистую воду вывел, а я все выслеживаю и выследить не могу. Не в свое дело полез, майор. Ох, не в свое. Но теперь ведь не откажешься, засмеют. Да и провокатор уйдет в тину, обидно будет. Так что нет, будем работать, а там увидим, кто кого одолеет».

Воронцов спрятал бинокль за пазуху и, не оборачиваясь к товарищам, буркнул «отходим». Причина смены настроения командира была понятна. Новый провал задания, пусть и мелкого, это – как новая потеря в группе. Хотя трудно сказать, что больше расстраивало Воронцова. С эмоциями у него была явная напряженка, и о погибших бойцах он открыто не скорбел, а вот провалы акций переживал бурно, да так, что у подчиненных частенько летели искры из глаз. Особенно доставалось Ивану, самому молодому бойцу в группе, попади он под горячую руку. И не важно, была на нем хоть капля вины за неудачу или нет. Майору Воронцову, среди своих – Ворону, без разницы. Удалась акция, празднуем все, про-

валилась – все получаем по первое число. Таким был главный принцип Воронцова, и, положа руку на сердце, именно такой подход к делу вывел группу в число лучших, когда она была чисто «охотничьей».

На дневной работе дела у группы шли явно хуже, и из главного принципа Воронцова была востребована, в основном, вторая часть.

– Может, проследим за машиной? – провожая взглядом черный «Лексус» с тонированными стеклами, предложил боец по прозвищу Леший. – До поля ведь нормально пропасли. Даже заминировать ухитрились. К вечеру, глядишь, еще разок повезет. Если не закладку сделать, так хотя бы морду этого козла рассмотреть. Не вечно же он будет в темных очках ходить и капюшоном прикрываться.

– Бесполезно, – угрюмо проронил Ворон. – Вырулит на МКАД и растворится. Там черных «Лексусов» без номеров по десять штук на километр. Все марионетки на таких катаются.

– Этот не как все, – осторожно заметил Иван. – Тонировка пижонская, зеркальная. Обычно так бомбилы свою рухлядь тонируют. А чтоб казенный «Лексус» – впервые вижу.

– Будь моя воля, каждому казенному под днище по бруску пластита, и привет, – процедил сквозь зубы третий боец, Злой. – Да чтоб разом рвануло. Сукам сучья смерть. Заодно и предателя укирдычили бы.

– Змеевики новых наймут, – спокойно возразил Учитель,

самый взрослый и рассудительный член группы, в прошлом, кстати сказать, никакой не учитель, а участковый. – У них на теплые места длинная очередь.

– И очередь эту я бы из пулемета, – напирал Злой. – Длинной очередью. А потом каждому контрольный в глаз!

– А потом и сам, – хмыкнул Леший, – в небо упылил бы. Таких, как ты, пулеметчиков змеевики мигом вычисляют. Потому и работаем либо холодным, либо взрывчаткой.

– А я фартовый! – Злой оскалился в золотозубой улыбке. – Ушел бы и пулемет унес бы! Хотя можно и холодным. Ножом по горлу и за ноги на фонарный столб. Как баранов на бойне! Вон, на МКАД по всему кольцу развесить, да не снимать с недельку. Сразу пропадет у шкурников охота родиной торговать. Как отрежет, зуб даю!

– Злой ты. – Леший снова усмехнулся.

– А то!

– Нельзя объять необъятное, Злой, – устало потирая глаза, произнес Учитель. – Нам провокатора зачистить бы, и то польза делу. Командир, я уже предлагал, но не поленюсь повторить: надо в Особый отдел доложить. Прямиком Деду. Пусть еще пару групп к делу подключит. Сами мы предателя не поймаем, слабо нам.

– А в табло?! – ощетинился Злой. – Мы в хате паникеров, знаешь, на чем вертели?

– Я не с тобой разговариваю, фартовый, – вяло отмахнулся Учитель. – Командир, что молчишь? Медитируешь, что ли?

Воронцов не ответил. Отвернулся и задумчиво уставился на искрящийся вдалеке купол. Он прекрасно понимал, что Учитель прав, но, как и Злой, не находил в себе мужества открыто признать свою несостоятельность. С той лишь разницей, что не ерепенился, а угрюмо молчал.

– Учитель прав, – вместо командира негромко проговорил Леший, строго глядя на Злого. – По-старинке больше нельзя работать. Надо технический отдел подключать и людей побольше. Дело ведь нешуточное. Против нашей репутации безопасность всего Сопротивления на карту поставлена. Не имеем права на такой риск идти.

Злой явно хотел что-то возразить, но придержал язык и только помотал головой, выражая этим движением и свое несогласие, и мнение о морально-волевых качествах товарищей, и вообще отношение к новому миру, вроде бы ставшему в одночасье родной и милой Злому зоной, да вот, поди ж ты, какой странной! Не воровской и не «красной». А хозяин в ней вообще нелюдь. Змей ходячий. Ну, не беспредел ли, если по большому счету?

– А что мы имеем? – подал голос молчавший до сих пор боец по прозвищу Фюрер. Откуда взялась странная кличка, было понятно с первого взгляда. Фюрер почти не снимал германское кепи. Да если и снимал, бритая голова и свастика, наколотая на затылке, говорили сами за себя. – С чем к Деду пойдем? Да, светился этот хрен поблизости от явок на Кузнецком и в Бутово, да, спалила стража эти хаты, да, знакомая

внешность у предателя. В общих чертах. А если конкретно, мы что имеем?

– Видеозаписи, голос, подозрения. – Учитель пожал плечами.

– Ja, natürlich,[1] – Фюрер усмехнулся. – Видео на длинном фокусе, голос с уличными помехами, а подозрения на уровне паранойи: раз адреса и пароли знал, значит, свой. Все за уши притянуто. Дед за такую видимость работы только пинка наладит. А потом догонит и добавит, чтобы впредь не отвлекали по мелочам.

– Для этого и нужен технический отдел, – сохраняя полное спокойствие, сказал Учитель. – Пусть колдуют, помехи вычищают, картинку обрабатывают… они знают, что делать. А что до паранойи… ночью она ни разу не подвела.

– Ночью нас чутье хранило, – снова вмешался Леший.

– Фюрер про него и толкует. Только выпендриться решил, словечко умное вспомнил. Под грамотного косит.

– Слышь, мент, а ты, что ли, тут самый грамотный? – вскинулся Фюрер. – Чего ж предателя не поймаешь? Лапки кверху поднял! Разнылся! Команди-ир, надо доложить, подмогу вызвать!

– Помолчал бы. – Учитель поморщился.

– А то что?! – Фюрер резко подался вперед, едва не боднув Учителя. – Арестуешь меня, да? В обезьянник посадишь? Так не привыкать мне, сидел, когда с пацанами негров поре-

---

[1] Да, конечно *(нем.)*.

зали. А потом вышел «за отсутствием состава» и на таких, как ты, мусоров, положил с прибором, понял?!

– Фюрер, засохни, – негромко, но солидно пробасил Леший. – Теперь все в одной упряжке. И менты, и зэки, и негры со скинхедами.

Слово Лешего в группе весило не меньше, чем слово командира. И если уж Злой, ходок со стажем, слушался Лешего, то бывший скинхед и подавно. Заместитель командира был для него авторитетом почти на уровне какого-нибудь близкого подручного Адольфа. Фюрер мгновенно сбросил обороты.

– А чего он?.. – Фюрер махнул рукой и насупился. – У меня, если что, высшее юридическое.

– Папенькой купленное, – ухмыльнулся Злой.

– Отставить разговоры! – закончив, наконец, медитировать, приказал Ворон. – Отходим, сказано. Учитель первым, Леший замыкающим. У Сходни притормозим, тайник под Волоколамкой проверим. Вопросы? Нет вопросов? Марш!..

…Прежде чем подойти к тайнику, группа сделала короткую остановку в обугленных развалинах небольшого домишки рядом с пепелищем, некогда бывшим заправкой. Во время бойни пятого декабря территория от Южного Тушина до Строгино была основательно перепахана и кое-какие объекты восстановлению не подлежали, а кое-какие просто остались без хозяев. Например, эта заправка с автомойкой на Летной улице. А вот мост через Сходню люди восстанови-

ли. И заодно внесли в конструкцию незаметные изменения. Сущие пустяки. Соорудили пару тайников в опорах да заложили в них центнер пластита. На всякий случай. Серпиенсы, понятное дело, взрывчатку нашли и уничтожили, но тайники замуровывать не стали. Мараться еще! Провели свою любимую процедуру «остекления» и успокоились. Мостовые опоры «синего стекла» смотрелись эффектно, спору нет, но недолго. Серпиенсы не учли одного момента: в Москве ничто не остается прозрачным слишком долго. Так и случилось. Через год опоры стали, как и прежде, серыми от сажи и пыли, но серпиенсов это уже не интересовало. Не зацикливались они на таких мелочах.

А зря. Едва опоры моста обрели «нормальный» вид, их тайники снова начали использоваться по прямому назначению. Затея была дерзкой – хранить запрещенный хабар под носом у серпиенсов, но работала на все сто.

После короткой рекогносцировки группа двинулась, было, к мосту, но была вынуждена снова притормозить в связи с небольшим, но очень странным инцидентом.

– Стойте! – громко прошептал Иван, хватая за рукав Лешего. – Нельзя дальше!

– Ты чего, сынок? – Леший смерил Ивана удивленным взглядом. – Перегрелся?

– Нет, послушайте! Командир! Там засада!

– Увидел чего? – Воронцов присел и жестом приказал всем сделать то же самое.

– Нет, я… услышал… как бы.

– Услышал? – Ворон коротко оглянулся и покачал головой. – Тут метров двести. Как ты мог услышать?

– Я не змеевиков услышал, – торопливо пояснил Иван. – Будто на ухо кто-то шепнул. Засада, мол, дальше ни шагу, задний ход.

– Ссышь, короче, – сделал вывод Злой.

– Я… нет! Послушайте меня хоть раз в жизни! Это реально было. Шептал кто-то.

– Точно перегрелся. – Леший покачал головой. – Оставим его тут, командир?

– Все пойдем. – Воронцов пристально посмотрел на Ивана. – Рядом со мной пойдешь. Если и вправду засада там, поверю.

– Поздно будет, командир. – Иван страдальчески выгнул брови. – Нельзя туда! Ну, поверьте мне, прошу вас!

– Верю. – Ворон кивнул и обвел строгим взглядом группу. – Наполовину. Если малой прав, все в воду. Сразу. Ясно? Под водой плыть, сколько здоровья хватит. Если не хватит до причала, лучше тоните, чем под выстрел змеевикам соваться. Будет хотя бы что похоронить. Левого берега держаться, причал там. Под причалом тоннель есть, под Москву-реку уходит. Он местами под потолок затоплен, но воздушных пузырей хватает. Заканчивается под МКАД. Окажетесь на кольцевой, действуйте по обстановке. Встречаемся на базе. Вопросы?

– Да какие вопросы! – поигрывая финкой, усмехнулся Злой. – Нет там никакой засады, крыша у Ванятки малость поехала. А значит, и заплыва не будет, и вопросы не нужны. Так, братки?

Кивнул, соглашаясь, один Фюрер. Леший и Учитель только многозначительно переглянулись.

– Командир, нам обязательно проверять тайник? – серьезно спросил Учитель.

– Обязательно. – Воронцов указал Ивану место справа от себя. – Сюда иди. – Командир аккуратно взял паренька стальными пальцами за шею и шепнул ему едва слышно: – Запомни, щенок, в поле мандражу места нет. Так что предчувствия свои засунь куда подальше. Вплоть до прибытия на базу. Понял?

– Понял, командир. – Иван сник.

– Вот и молодца. – Ворон указал на мост. – Злой, вперед. Леший, Учитель, прикрывайте. Фюрер, тыл держи.

– В какой опоре тайник?

– Тайник сам проверю. Марш!..

…Когда группа в полном составе втянулась под мост, время вдруг остановилось, а пространство сжалось до мизерного клочка земли на берегу грязноватой городской речки. Иван оказался прав, это поняли сразу все. Наперерез группе метнулся десяток полупрозрачных фигур, и еще столько же зашли в тыл. Люди мгновенно приготовили к бою оружие и даже успели открыть беглый огонь, но перевес был явно на

стороне врага. И тут уж было ничего не поделать.

Специальные пули со стальным сердечником останавливали серпиенсов иногда на секунду, иногда на целый десяток, если сбивали с ног. Но, немного отлежавшись, стражники поднимались и снова шли в атаку, так что исход схватки был предрешен.

Вражеское кольцо сжималось, но, что удивительно, серпиенсы не стреляли в ответ, и все бойцы были пока еще живы. В чем причина такой гуманности врага, Воронцов догадывался, и это злило его больше всего. По крайней мере, одного из группы чужаки хотели взять живьем. И Ворон догадывался, кого именно. Да его самого, кого ж еще? Серпиенсы точно знали, на чью группу охотятся, вот только не были уверены, кто же из этих людей пресловутый Ночной Потрошитель. Майор Воронцов проходил в разработках стражи именно под этим псевдонимом. То есть змеевики были намерены взять тепленькими всех шестерых диверсантов, и уже после того, как разберутся кто есть кто, отправить Ворона в карцер, а остальных на небеса.

«А вот дулю вам с маслом!» Воронцов прижался к опоре, перезарядил свой внушительный «Дезерт Игл» и двумя выстрелами в грудь и голову опрокинул на землю ближайшего змеевика. Убить не убил, но отправил в нокаут, а значит, выиграл секунд десять, не меньше. Все-таки размер (в данном случае длинный ствол и калибр «44 магнум») имел значение. Воспользовавшись паузой, Ворон быстро оглянулся и

подтолкнул ближайшего бойца, им оказался Иван, к воде.

– Ныряй, малой!

Иван сделал пару длинных шагов и прыгнул в воду.

– Вот он! – донеслось откуда-то сзади.

Воронцов обернулся и увидел во вражеском тылу единственную не полупрозрачную фигуру. И ростом, и сложением этот стражник явно не соответствовал стандартам серпиенсов, да и говорил на их языке он с заметным акцентом. Но самое главное, на нем была хорошо знакомая Воронцову толстовка с капюшоном, а глаза он прятал за большими темными очками.

Провокатор! Майор вскинул оружие, но выстрелить не успел. Между ним и предателем очутились сразу несколько серпиенсов, и Ворон был вынужден резко поменять планы. Он опрокинул четырьмя выстрелами еще двоих наиболее ретивых стражников, метнулся за мостовую опору и в несколько прыжков добрался до уреза воды.

Река была грязноватой, от воды пахло тиной, но удивило Ворона не это. На поверхности не было кругов. А ведь несколькими секундами раньше в Сходню нырнул Иван. Круги должны были остаться. Майор взглянул влево, вниз по течению. Та же относительно спокойная гладь и ничего примечательного. Разве что облачко искрящейся пыли, которую теплый ветерок уносил в сторону большой воды.

Ворон стиснул зубы и резко обернулся. В его сторону, отчаянно матерясь и паля сразу из двух «вальтеров», пятился

Злой. Чуть левее к реке полз безоружный Фюрер. Учителя и Лешего не было ни видно, ни слышно.

– Уходи, командир! – не оборачиваясь, заорал Злой. – Уходи скор…

Закончить фразу боец не успел. На миг его окутало синеватое свечение, а затем и сам Злой, и его оружие рассыпались в мельчайший искрящийся прах. Секундой позже и Фюрер отправился водить факельные хороводы с нацистскими праотцами.

Воронцов влепил пулю между глаз ближайшему серпиенсу, истратил оставшиеся два патрона на стражника слева, отшвырнул пистолет и, мысленно проклиная аховую глубину речки, бросился в воду.

Бросок вышел, прямо скажем, неудачным. Ворону показалось, что его случайно зацепил за воротник крюк лебедки. Полегчавшие в воде ноги ушли вперед, тело последовало за ними, а по горлу словно кто-то ударил ребром ладони – на самом деле это был все тот же воротник рубахи.

Зависший в пространстве под углом в сорок пять градусов майор схватился за ворот и попытался встать на ноги, но проклятая «лебедка» тянула его назад со страшной силой. Сцапавший за воротник серпиенс был силен, как буйвол, или кто там у них – динозавр? – и сорваться с крючка майор мог, только сняв рубаху, но Воронцову никак не удавалось изловчиться.

В конце концов старания майора все же принесли свои

плоды, рубаха треснула по швам, но серпиенс уже подтянул человека достаточно близко и ухватил его за шею. Ворон попытался вырваться из захвата, но серпиенс держал железной хваткой, да еще и планомерно усиливал ее, явно намереваясь слегка придушить несговорчивую жертву. В глазах у Воронцова потемнело, а руки и ноги стали ватными. Еще секунда – и все, отключка и плен. Майор в последний раз попытался разжать вражеский захват… и неожиданно это ему удалось. А ведь силы были на исходе.

Ворон стряхнул с себя обмякшего врага, обернулся и сразу же понял, в чем дело. Из макушки у змеевика торчал специальный нож ночных охотников: с усиленным клинком, обрезиненной рукояткой и обмотанной изолентой гардой (иначе охотник рисковал получить удар током). Вот только кто его всадил серпиенсу в самое темя, теперь было не узнать. От спасшего Ворона человека осталось лишь стандартное облачко искрящейся пыли. Хотя нет. Узнать было нетрудно. Этот нож принадлежал Лешему.

Майор подхватил тяжеленного серпиенса под мышки, взвалил на себя и, прикрываясь им, как щитом, попятился к воде. Змеевики держали Ворона в прицеле, но не стреляли и, что гораздо важнее, не шли за ним. Все как один остановились у кромки воды и, не мигая, пялились на отступающего человека.

– Это же он, Ночной Потрошитель, что вы стоите?! – донеслось издалека.

– Мы не любим такую воду, – ответил кто-то из серпиенсов.

Ворону показалось, что это была женщина.

– Вот вы странные! – удивленно воскликнул человек. – Уйдет же. Тогда хотя бы убейте его.

– Нет, его должен убить лично эрг, в отместку за брата. Пусть уходит. Теперь мы знаем, как он выглядит, и у нас есть его генетический профиль. Мы найдем его.

«Хрен вы меня найдете!»

Майор набрал воздуха и нырнул. Мутная вода уютно укрыла его непроницаемым для света одеялом и понесла в направлении большой реки. Воронцов несколькими сильными гребками подкорректировал маршрут и, экономя кислород, снова расслабился, полагаясь на течение. Найдут они, размечтались! Полтора года искали, не нашли. Если б не этот ублюдок, провокатор, так и тряслись бы по ночам скользкие хозяева мира, пугали бы друг друга Потрошителем.

Ворон сделал еще пару гребков и попытался нащупать что-нибудь вроде опор причала. По всем расчетам, майор должен был уже доплыть. Хотя, возможно, на восприятие времени повлияла нехватка кислорода и на самом деле причал был еще далеко. Воронцов на миг запаниковал, но быстро взял себя в руки, сделал очередной сильный гребок и… больно треснулся лбом в опору причала.

«Твою мать!»

Майор вынырнул в затхлом полумраке узкого простран-

ства между поверхностью реки и причалом, шумно выдохнул, судорожно вдохнул и едва заметно улыбнулся. Еще никогда такая жуткая вонь не казалась ему такой приятной. Да, это была вонь, но воняло тут не чем-нибудь, а жизнью!

Жизнью, которую майор Воронцов теперь был намерен посвятить только одной цели – мести провокатору. Случится это завтра, через неделю, через год, но в одну прекрасную ночь Потрошитель придет в спальню к этому гаду и сделает с ним то, что умеет делать гораздо лучше, чем другие.

Убьет. А вы что подумали?

3. Москва, август 2014 г

Утро выдалось чудесное. Грин мог судить об этом только по картинке на экране компьютера, но и не ощущая утренней свежести, не видя своими глазами солнца и ясного неба, Фил готов был утверждать, что сегодняшнее утро прекрасно. Приподнятое настроение не покинуло Филиппа даже в толчее метро.

По специальной ветке от Измайловской базы до секретного бункера «Глубинный-2», где трудился Грин, ходил допотопный, наверное, еще сталинских времен, поезд всего из четырех вагонов, а набивалось в него человек двести. Ехать приходилось стоя и почти не дыша. Не потому, что было совсем уж тесно. Просто от любого чиха древние вагоны грозили развалиться. Но и это получасовое мучение никак не отразилось на ощущениях.

Да, если честно, сегодня Грин никакого мучения и не пережил. Всю дорогу до бункера он был погружен в приятные воспоминания о вчерашнем вечере. Вспоминал, как было хорошо, как от счастья замирало сердце, как взрывались и гасли фейерверки эмоций. А о глупых мыслях и сомнениях не вспоминал. К чему? Да, кое-что изменилось и в Вике, и в нем. Но так ли уж это принципиально? Нет, и еще раз нет! Глупости. Как было сказано в одном из любимых фильмов Филиппа: «Ипохондрия от глупых сомнений». Утро расста-

вило все по местам. Сомнения улетучились вместе с алкогольным туманом, а перспективы прорисовались с предельной четкостью. Жить и любить. Вот и все. А что еще нужно для счастья?

– Вот так гусь! Вы посмотрите, какая осанка, какие горящие глаза на бледном, но благородном лице! Дракула в исполнении Гэри Олдмена!

Это было первое, что услышал Фил, войдя в отсек, где трудился за стеклянной конторкой, одной из двух десятков, разделявших рабочие места. Видимо, некие признаки вновь обретенного счастья явственно проступили на физиономии Грина. Восклицал, естественно, Тупицын, штатный балагур и, вопреки фамилии, редкий умница. По крайней мере, на взгляд Грина. Он вообще был убежден, что отсек можно разогнать полностью, оставив только его самого, Тупицына и Марину Якубовну. Ни качество, ни сроки выполнения работы от этого не пострадали бы ни на йоту.

– Всем привет, – привычно проронил Фил и невольно улыбнулся до ушей.

– Мне страшно! – Тупицын, паясничая, попытался забраться под стол. – Он скалится! Он хочет нас покусать! Мы обречены, мы все станем вампирами!

– А по-моему, Филя сегодня добрый, – бархатным голосом проворковала Марина Якубовна, жгучая брюнетка без возраста. – И милый такой, просто плюшевый. Иди ко мне, сладкий, прижму тебя к груди, как медвежонка.

Она томно улыбнулась, стрельнула черными глазищами и поманила Грина ручкой, обильно украшенной золотом. Филипп, вопреки традиции, не смутился и взглянул на пышную грудь Марины без обычного восхищения. Этот факт не ускользнул от внимания сотрудницы, и она всплеснула руками.

– У Грина было свидание!

– Ага. – Тупицын сел на край гриновского стола и уставился на Фила сверху. – Я же говорил! Свидание с вампиршей! Глядите, у него укус на шее!

– Это не то, что вы подумали… – пробормотал Грин, пряча взгляд.

Ответом на смущенную реплику Филиппа стал гром аплодисментов.

– Бандерлоги, – недовольно морщась, обозвал всех присутствующих Грин.

– Только не делай с нами то, что делал ночью с вампиршей, мудрый Каа! – Тупицын вскинул руки, но, довольно скоро насмеявшись, склонился к Грину и доверительным тоном спросил: – Кто она? Надеюсь, не новая секретарша шефа?

– Тупицын, уйди в туман, – попросил Фил.

– Вика, что ли, вернулась? – Тупицын обрадовался. – Наконец-то!

– А ты-то с чего вдруг просиял? – Грин ревниво покосился на коллегу.

– Так ведь надоело на твою кислую физиономию смотреть! – Тупицын похлопал Фила по плечу. – Поздравляю, дружище, с окончанием холостяцкой жизни. Улыбнитесь, вы снова под каблуком!

– Виктор, отстань от Фили, – потребовала Марина, мечтательно вздыхая. – Дай человеку прийти в себя. Он, наверное, только под утро уснул. Да, медвежонок?

– Марина, ты делаешь неправильные ставки, – продолжая веселиться, заявил Тупицын. – Дай мне шанс, я не усну вообще!

– Не льсти себе, Витя, – фальшивым женским голоском пропищал кто-то из коллег.

Отсек снова взорвался смехом. Грин прикрыл глаза рукой, посидел так пять секунд и, наконец, включился в рабочий режим.

– Кофемат кто-нибудь включил?

– Юля, чашку кофе графу Дракуле! – хлопнув в ладоши, крикнул Тупицын. – Остальным работать!

– Прошу, мой господин. – Юля, самая молодая и симпатичная из коллег, поставила перед Грином чашку. – Что-нибудь еще? Пончик, свежую газету, литр крови?

– Ничего не надо, барышня. – Грин отхлебнул кофе и вооружился мышкой. – Подите все. Мне пора править Трансильванией.

Оживление в отсеке понемногу улеглось, и рабочий день наконец-то начался. Для Грина он всегда начинался с так на-

зываемой разминки, просмотра новостей в сети, и Филипп не нашел повода изменять привычке.

Повод нашелся у Постникова, как обычно опоздавшего, хотя приехавшего в том же поезде, что и все. Где пропадал этот благообразного вида старичок первые пятнадцать минут рабочего дня, считалось в коллективе главной загадкой. Как-то раз инициативная группа под предводительством неугомонного Тупицына даже провела эксперимент. Попыталась проследить за Постниковым от входа в бункер до рабочего места, но потеряла старичка из вида в районе туалетов. Каково же было удивление доморощенных филеров, когда они не обнаружили Постникова ни в одной из кабинок туалета, но ровно через десять минут он, как ни в чем не бывало, материализовался за своим рабочим столом! По версии Михнова, большого любителя мистики, топологии и прочих невозможностей, Семен Григорьевич входил в бункер не через холл, а по некоему внепространственному коридору. В свете событий последних двух лет версия Михнова могла считаться вполне состоятельной, ведь каким образом на Землю попали чужаки, тоже никто толком не знал, поэтому коллеги сочли за благо отложить изучение «феномена Постникова» до лучших времен. Шутки шутками, а загреметь под фанфары старичок мог запросто. У контрразведки всегда были проблемы с чувством юмора.

Сегодня Постников опоздал на рекордные тридцать минут, да к тому же не прошел с умным видом на рабочее ме-

сто, а остановился рядом с конторкой Грина и вежливо покашлял.

– Семен Григорьевич, – Фил поднял вопросительный взгляд на коллегу, – доброе утро.

– Доброе, – старичок снова откашлялся. – В сети?

– Как обычно, зарядка. – Грин кивнул.

– Бросьте это дело, товарищ Грин, – Постников неожиданно понизил голос до громкого шепота. – Самые интересные новости сегодня не в сети! Нашему проекту дали зеленый свет! Оказывается, еще три дня назад в войска отправили первую серийную партию «Пилигримов», тридцать единиц! Достоверные сведения из производственного отсека!

– У-у! – изобразил паровоз Тупицын и зааплодировал.

Его вновь поддержал весь бункер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.